№ 3-4 (9-10), Сентябрь 2015 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Язык есть драгоценнейшее сокровище народа, первое средство его развития и залог всех духовных успехов, главное право на славу в потомстве.

М. П. Погодин

Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими.

А. С. Пушкин

В пословицах наших... видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать все своим орудием: иронию, насмешку, меткость живописного соображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникает насквозь в природу русского человека, задирая за всё живое.

Н. В. Гоголь

Иван БУНИН

И ЦВЕТЫ, И ШМЕЛИ, И ТРАВА, И КОЛОСЬЯ...

И цветы, и шмели, и трава, и колосья, И лазурь, и полуденный зной... Срок настанет — Господь сына блудного спросит: «Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти Полевые пути меж колосьев и трав — И от сладостных слез не успею ответить, К милосердным Коленам припав.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. ХХІ ВЕК

Сергей СОЗИН

ОНИ ВЫБИРАЮТ «КВЕСТ»...

«Ну, верите ли: полной безликости требуют и в этом самый смак находят! Как бы только самим собой не быть, как бы всего менее на себя походить! Это у них самым высочайшим прогрессом считается».

(Ф. М. Достоевский).

ТЕРПЕЛИВ русский человек... Многое способен вынести, ко многому привыкнуть... К «кластерам», «селфи», «спойлерам»... и даже к «SWOT-анализу в сфере развития отрасли культуры»...

Я такой же, как и все... Терпеливый... Но... до поры до времени... Но, видимо, всему бывает предел. Для меня он наступил 22 июня 2014-го, когда вся страна с 4-х часов утра погрузилась в День памяти и скорби. Вся, да не вся... В городе, претендующем на звание культурной столицы Северо-Запада России, на Советский Союз решили отметить квестом, т. е., переведя на русский, приключенческой игрой. (Квест (англ. quest), или приключенческая игра). Скажете – бред какойто... Да нет. Раструбил об этом по всем углам «рупор» Департамента культуры «cultinfo.ru» («Культура в Вологодской области»). Цитирую дословно: «Городской градозащитный квест, посвященный истории Вологды во время Великой Отечественной войны, пройдет 22 июня 2014 года». Назови это, в общем-то, по своей задумке неплохое мероприятие понятным и близким сердцу любому ветерану войны и участнику трудового фронта «Походом по местам боевой славы», «Маршрутом подвига отцов», «Никто не забыт и ничто не забыто!»,- и ладно. Богат русский язык! Выбор у организаторов был. Но они выбрали... «квест». И никто

не подсказал участникам группы «Хранители Вологды», что вы, дескать, мягко говоря, заигрались... Начало вселенской трагедии лета 41-го, только в хорошо «промытых» мозгах могло ассоциироваться с приключенческой игрой. Иной читатель скажет, мол, не велик промах. Ну, подменили русское слово неким англоязычным заимствованием. И что?! Позвольте не согласиться.

Начну с того, что 27 миллионов наших соотечественников погибли, в том числе, и за то, чтобы оставшиеся в живых могли говорить и писать на своём, родном языке!

Неприятно поразило обилие латиницы и недавнего гостя Череповца, нашего популярного земляка Леонида Парфёнова. В своём интервью агентству «cerinfo.ru» он с грустью констатирует: «Хочу сказать, что вывесок с надписями латиницей в Череповце гораздо больше, чем в Москве. Меня, например, каждый раз сражает надпись «Food Factory» на новом доме быта...»

Фестиваль же кино «VOICES» стал у нас, на Вологодчине, уже «притчей во языцех». О программе этого международного кинофорума, как смело его называют организаторы, кто уже только ни писал. О его «международном значении» тоже... Некоторые даже, на полном серьёзе, уверяют, что именно в нашей российской глубинке и «происходит становление этого самого мололого европейского кино». Один из членов жюри договорился до того, что, мол, фестиваль просигналил некое универсальное послание человечеству... Вам это ничего не напоминает? Васюки, например... Я даже догадываюсь, из каких трёх латинских букв это послание состоит... Но сейчас не об этом.

в этом.
В этом страстном порыве к так

называемым «европейским ценностям», как я подозреваю, за не малые государственные, т. е. наши с вами леньги, нас же и отлучают от русского языка. Посмотрите на афиши с программой фестиваля: название с английского даже не переводят. В день открытия зрители и гости фестиваля на шатре, что накрывал красную дорожку, не обнаружили ни одного русского слова! Так просто, без изысков: «Vologda independent cinema from european sereens festival». Такое впечатление, что организаторы даже не подозревают, что русский язык ООН признан одним из языков международного общения. Я не могу представить себе, что в одной из европейских стран вы наткнётесь на мероприятие, претендующее на звание международного, которое, как минимум на равных, не было бы представлено на языке принимающей стороны. Тем более во Франции, где особенно щепетильно относятся к защите своего родного языка. Там бы это «послание человечеству» не провисело бы и суток без последствий для его организаторов, среди которых и... французская компания Глобале («Globale»). У них-то распоясаться не дадут! Президент Франции Валери Жискар д'Эстен в 1972-м году подписал закон о защите французского языка от вторжения английского и любого другого языка, а значит и чужой культуры. Так. 3-я статья локумента гласит. что «любая надпись или объявление, вывешенные или соеланные на улице или дороге, в любом месте, открытом для публики, должны быть сформулированы на французском языке». Если требование не выполнено, «нарушитель... лишается возможности пользоваться упомянутым имуществом, независимо от условий контракта...». Применив его в бытность мэром Парижа, Жак Ширак снял с парижских улиц все вывески на английском и перевел на французский даже название английских фирм.

Читайте классиков, господа. Сегодня, как никогда ранее, современно звучат пророческие строки, написанные ещё в 1867 году нашим гениальным поэтом, патриотом России, Фёдором Ивановичем Тютчевым, пробывшим более 20 лет на русской дипломатической службе в германских землях:

• Окончание на 2-й стр.

ЛИТИНФОРМАЦИЯ

* * *

Пятый Фокинский литературно-музыкальный фестиваль «Счастлив тот, кто счастлив дома на своей родной земле» прошел на Северной Двине в селе Верхняя Тойма и деревне Артёмовская, на малой родине Ольги Александровны Фокиной. Гостем фестиваля, вместе с архангельскими писателями, был председатель Вологодской писательской организации Михаил Карачёв.

Члены жюри фестиваля Ольга Фокина, Михаил Карачёв, председатель правления Архангельской писательской организации Елена Кузьмина подвели итоги чтецкому конкурсу и представлению литературных объединений Архангельской области. Побывали участники фестиваля и в деревне Артёмовская, где Ольга Александровна провела экскурсию по родным улицам.

По приглашению Архангельской писательской организации руководитель Вологодской писательской организации Михаил Карачёв принял участие в «Съезде писателей и самодеятельных авторов Архангельской области», состоявшемся в старинном Сольвычегодске. Разговор шел о развитии литературы Архангельской области и Русского Севера, о поддержке литературных связей между регионами России.

В Год литературы Кичменгско-Городецкий район посетила делегация Вологодской писательской организации. Михаил Карачёв, Александр Цыганов, Виктор Плотников на встрече с сотрудниками районной библиотеки подарили новые литературные издания, договорились о дальнейшем сотрудничестве.

Побывали писатели в деревне Еловино, возложили цветы на могилу своего товарища, рано ушедшего из жизни талантливого прозаика Михаила Жаравина. На встрече с писателями в деревенском Доме культуры присутствовал отец Михаила Жаравина.

В тот же день в Доме культуры Кичменгского Городка состоялась встреча с читателями. Для литераторов района вологодские писатели провели мастер-класс. Творчество литераторов района вологодские писатели представят на страницах областных литературных изланий.

Литературные встречи прошли в рамках празднования Дня Кичменгского Городка при поддержке Правительства области, руководителя агрофирмы «Еловино» Михаила Угрюмова, Почетного гражданина района Петра Лукина и администрации района. Глава района Александр Летовальцев пригласил писателей провести новые встречи и литературные семинары.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. ХХІ ВЕК

• Окончание. Начало на 1-й стр.

«Как перед ней ни гнитесь, господа, Вам не снискать признанья от Европы: В её глазах вы будете всегда Не слуги просвещенья, а холопы».

Естественно, я поинтересовался, а как обстоят дела с национальной гордостью Великороссов в других городах и весях нашей матушки России. Искать далеко не пришлось. В провинциальном Иванове. вообще не стесняются родного языка. Там так и «шпарят» по-русски: «Зеркало», «Международный фестиваль «Зеркало» имени Андрея Тарковского». Недавно приятно поразил своей державностью (русскостью) Краснодарский край. Здесь большинство надписей на учреждениях и мероприятиях, финансируемых из государственного бюджета, на государственном языке. А для залётных иностранцев латиницей, ниже и мелким-мелким шрифтом...

Мои размышления над нашей духовной убогостью неожиданно получили поддержку в лице гостя вологодского кинофестиваля, народного любимца Александра Валуева. Встречаясь со зрителями в Череповце, Александр Николаевич, сам того не подозревая, выразил полную солидарность со мной, сказав, что название VOICES ему не по душе: «Мы все-таки в России. Мне хочется, чтобы больше звучало русской речи. А наши иностранные друзья пусть лучше спрашивают у переводчиков what does it mean Golosa? А им скажут: it is voices. Мы ведь у себя дома!»

Солидарен с нами и Владимир Владимирович Путин. Цитирую его выступление на совместном заседании Госсовета и Совета по культуре и искусству: «Надо избегать излишней латинизации. Когда, например, мы в регионы едем – сразу виден уровень чиновника. Если все в латинских вывесках... Мы в какой стране живем-

Умиляет наивность и организаторов очередного Фестиваля традиционной американской музыки на Вологодчине. Эти американские парни, курируемые Госдепом США, добрались уже до деревень Кирилловского района. Разговоры о взаимопроникновении культур не выдерживают никакой критики. Я бы мог согласиться с этим взаимопроникновением, если бы в какой-нибудь глубинке штатов Луизиана или Оклахома регулярно проводился фестиваль Кирилловской гармошки. А пока налицо беспардонное вытеснение и подавление одной культуры *другой*. Денег для поддержки собственных артистов, как я понимаю, в бюджете нет, а у англосаксов «куры не клюют!». Болгарам несколько раньше нас «повезло» с этим «диалогом культур». Член Союза болгарских писателей, почётный доктор Литературного института им. М. Горького, ответственный редактор литературнохудожественного журнала «Просторы», критик, историк литературы, публицист, философ Панко Аннев пишет: «Одна из главных проблем, которые ставит современная культурология, - так называемый «диалог культур» или «столкновения цивилизаций». Американская культура благодаря огромным ресурсам, которыми она располагает, и способности быстро и легко развиваться в новой среде, «переливается» в малые культуры, делая их похожими на себя... И эти культуры американизируются и вестернизируются».

Вопросы самоидентификации нации не новы и находятся в центре внимания многих исследователей. Бельгийский историк Давид Энгельс отмечает: «Если какое-то сообщество теряет свою особую культурную идентичность, то тогда его сплоченность подвергается опасности. Если, к тому же, такое сообщество перестает интересоваться ценностями, отличающими его от других сообществ, то оно неизбежно приходит в упадок. Более поздним историкам оно служит лишь в качестве загадки: каким образом так легко смогла разрушиться великая культура?

Использования вульгарной латыни и вульгарного английского - опасности первого порядка для прошлого и настоящего. которые, в конце концов, ведут к идентификационной самокастрации».

Как тут не вспомнить об американском эксперте Джозефе Найе, который описывал способность одного государства воздействовать на другое, то есть его «умную силу», как сочетание политики культурного влияния с двумя принудительными инструментами: военной силой и экономической мощью.

Языковая интервениия — важная часть той самой «умной силы» наших «партнёров» за рубежом. Так, в докладе правительству РФ Россотрудничество и Минобрнауки читаем: «По примерным оценкам, только Франция, Германия, Испания, Италия, Китай и Южная Корея на развитие и продвижение в мире своих языков потратят, в переводе на наши рубли, порядка 60 миллиардов в течение 4-5 лет...». Возьмём, для примера, только один институт Гёте, правопреемник основанной в 1925 году Германской академии. Да. той самой академии, которая до 1939 года «лепила» для всего мира образ носителя европейской цивилизации, этакого весёлого немецкого молочника в тирольской шапочке. А молочник, как всегда для нас неожиданно, превратился в молодчика, который непринуждённо поменял шапочку на каску, молочный сепаратор на автомат,

на мгновение идеологической войны. А значит, как любое оружие, является крайне опасным инструментом прямого действия. Так, американский лингвист Бенджамин Ли Уорф (Benjamin Lee Whorf) полагал, что каждый язык несет в себе особое мировоззрение, которое оказывает сильнейшее влияние на его носителей, утверждая, что различные типы языковых структур напрямую влияют на нашу личность. И примеры этому, как мы видим, к большому сожалению, встречаются на Вологолчине на кажлом шагу.

Наши библиотеки, призванные быть бастионами русской словесности, в своих беспрестанных творческих (пардон... в креативных) поисках, шарахаются от родного языка, «как черт от ладана», фонтанируя всё новыми и новыми инициативами... *Либмобы, вебинары, бук*кроссинг, фестивали бэкстейджа и бук*те же трейлеров*, конкурсы *хенд-мейда*, те же бесконечные квесты обрушиваются на беззащитного читателя почти ежедневно. Хотите что-нибудь позабористей? Ла не вопрос!: «Стихи на стене», например, или «Ночь в библиотеке». Я бы рекомендовал становлением. Минобрнауки этой весной срочно запросило на пропаганду русского языка 7 млрд. рублей.

Депутаты Госдумы бьют в набат, организуя круглые столы и инициируя законодательные инициативы, призванные переломить ситуацию. Предложений поступает масса. От введения обязательного тестирования всех поступающих на публичную должность и государственную службу на умение грамотно говорить порусски, до уголовной и материальной ответственности за нарушение российского законодательства о русском языке.

Профильным комитетом Госдумы по культуре был предложен «Законопроект о штрафах за неоправданное использование иностранных слов в случаях публичного распространения информации на государственном языке РФ», предлагающий в Кодекс РФ об административных правонарушениях ввести наказание за нарушение норм русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ, совершенное путем использования иностранных слов и выражений, не соответствующих нормам русского литературного языка и имеющих общеупотребительные аналоги в русском литературном языке, в случаях публичного распространения информации на государственном языке РФ, вне зависимости от целей и формы такого распространения.

Со своей стороны, я бы посоветовал нагоды, следующего содержания: «Укрепление позиций русского языка является стратегическим национальным приорите-

Русский язык является одним из фундаментальных факторов, объединяющих многонациональный российский народ, определяющих его самобытность и жиз-

и для мировой цивилизации, поскольку он является одним из мировых языков и важнейшим инструментом познания другими народами гуманистических ценностей

лений, прихожу к печальному выводу, что за туманом из бодрых докладов и фраз о «Великом и могучем...», о «самом читающем...» и т. п. идёт планомерная, и, как мы видим, к сожалению, плодотворная работа по латинизации русского языка, дискредитации, подмене, вытеснению, замещению русских слов англицизмами. И как бы нам, в один не самый прекрасный момент, не проснуться в чужой стра-

и итоги вологодского кинофестиваля. Так, специальный диплом за лучший сценарий получил фильм «Памятник Майклу Джексону». Ну, а кто бы сомневался! Не Василию же Ивановичу Белову, в конце концов... Как говорится: «Как корабль назовёшь... туда он и поплывёт».

P. S. Не успели ещё «высохнуть чернила» под этой статьёй, как на горизонте

шим чиновникам перед началом каждого рабочего дня читать, желательно хором, 1-ю статью Постановления Правительства Российской Фелерании № 481 от 20 мая 2015 года «О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016-2020

том Российской Федерации.

неспособность, что обуславливает необходимость расширения мер, направленных на поддержку русского языка как родного языка и как языка межнационального обшения. Русский язык имеет огромное значение не только для Российской Федерации, но

российской культуры, образования и науки. Подводя итоги этих грустных размыш-

не. Ведь будущее наступает мгновенно... Пока готовилась статья, подоспели

уже замаячил очередной революционный прорыв на кинофронте Вологодчины с незамысловатым названием «Vologda_ Votes», о чём немедленно поспешил осчастливить читателя всё тот сайт «Культура в Вологодской области» («cultinfo.ru»). Сообщение от 12 августа 2015 года заканчивается жизнеутверждающей фразой: «Официальный хэштег кинопремии – #vologda_votes»... С чем я всех нас и «поздравляю»...

Сергей СОЗИН

ОНИ ВЫБИРАЮТ «KBECT»...

а коровники, не суетясь, перестроил пол газовые камеры и крематории... Сегодня же эта, официально неправительственная организация, финансируемая из кассы Министерства иностранных дел ФРГ, имеет годовой бюджет более 320 миллионов евро. И пусть вас не смущает невинное название сего учреждения. Задачи у института всё те же, довоенные: популяризация и продвижение немецкого языка за рубежом и усиление межкультурного обмена общественными ценностями, создание положительного образа немецкой нации. Президент института Клаус-Дитер Леман, открывая в Новосибирске очерелной Неменкий культурный центр имени Гёте в России, без обиняков заявил: «Россия – единственная страна мира, в которой Культурный центр имени Гете представлен столь широко. Россия для нас – ключевой регион... – Мне особенно хотелось бы выделить один проект: он называется PASCH – «Школы – партнеры будущего». Речь идет о создании всемирной сети элитных немецких школ. В России таких школ будет 14. Их задача – готовить учеников так, чтобы после окончания школы они могли поступать в любое высшее учебное заведение Германии». Президент РФ в ходе заседания Совета по науке и образованию призвал обратить внимание на деятельность подобных иностранных организаций: «Так называемые фонды иностранные по школам работают. Просто шарят по школам Российской Федерации много лет под видом поддержки талантливой молодёжи. На самом деле, как пылесосом высасывают. Прямо со школы абитуриентов берут, сажают на гранты и увозят». Невольно задаешься вопросом: «А что это наши германские «партнёры» в очередной раз обеспокоились грамотностью в России, тратя огромные деньги на просвещение нас, убогих?» Рискну предположить, что рачительные немцы, считающие каждый цент, делают перспективное вложение в своё будущее. Вероятно, неутешительные результаты последнего похода на Восток выявили некоторые недостатки, в числе которых - отсутствие взаимопонимания с оккупированным населением, не в последнюю очередь из-за слабого знания немецкого... Переводчика же к каждому русскому не приставишь... Как тут не вспомнишь гомеровское: «Бойся данай-

Всеми ответственными политиками и учёными признаётся, что язык является мощным оружием непрекращающейся ни

цев, дары приносящих!»

им илти лальше, ловеля всё ло вершин кошунства: от стихов на стене двигаться к стихам на заборе; ночь в библиотеке, с шараханием ряженых и нечистой силы... Смелей! Так, чтобы основатели библиотечного дела в России в гробах переворачивались! Есть предложение по организации кафе-библиотек. Уверяю, аншлаг будет обеспечен. Посещаемость подскочит на недосягаемую величину. А это, нынче, чуть ли не главный критерий, вменённый библиотекам в качестве оценки работы и принятия решения о целесообразности их дальнейшего существования. Вот тогда, без сомнения, данные учреждения культуры перейдут на самоокупаемость и сбудется, наконец-то, «хрустальная мечта» функционеров от культуры! И никого уже не удивит вопрос, заданный в час ночи «начитавшимся» гражданином: «Как п-п-пройти в библиотеку?..» Только единственная просьба: «Не называйте тогла. эти будущие вертепы, святым для меня и многих-многих читателей словом библиотека...»

«Блистает» владением родным языком и наша исполнительная власть. Так, мэрия Череповца, к очередному Дню города, выпустила праздничный буклет «ЧЕРЕ-ПОВЕЦ горячее сердце русского севера» (орфографию и синтаксис оставляю на совести их редактора и корректора). К ним же отсылаю жизнеутверждающий тезис, вынесенный в заголовок вступительной статьи: «Основным драйвером развития современного общества является человек». Ну, как перл?! И этот драйвер, буквально преследует читателя буклета. Хочу вас спросить, как драйвер драйверов: «Сколько?.. Сколько можно издеваться над родным языком?!..» Русский язык предлагал богатый выбор слов и словосочетаний, которые, так или иначе можно вставить вместо слова «драйвер»: «приводной ремень», «ведущая сила». Можно еще какие-то слова подобрать, например, «локомотив». Но есть русское слово, которое ложится во все фразы, полностью сохраняя их смысл. Это слово - «двигатель». Его бы и нужно употреблять вместо слова «драйвер» в этих случаях! Но для авторов буклета, вероятно, это, то ли неведомо, то ли, уже неприемлемо... Они выбирают «драйвер».

Сказать, что Правительство страны и Президент не озабочены состоянием дел в данном вопросе, было бы не справедливым. В 2014-м году создан Совет по русскому языку при Президенте РФ. Правительство издаёт постановление за по-

Вологолская писательская организация и редакция газеты «ВЛ» сердечно поздравляют Сергея Аркадьевича Созина с юбилейным Днем рождения! Желают своему товарищу доброго здоровья, творческого вдохновения и новых книг!

ПОЭЗИЯ. ХХІ ВЕК

Наталья СИДОРОВА

Нашей памяти светлые блики

Любовь моя — белая птица — Молчала, не пела давно. Устала в темнице томиться, И я отворила окно...

* * *

Взлетела, кружила, звенела, Тонула в сиянии дня! Все ближе быть к ней я хотела — Все дальше она от меня.

Какие капканы и сети В пути ожидали ее! О, знала б я горести эти, Застыло бы сердце мое!

Вот и осень. Черный ельник Грустно дремлет у дороги. Уходи, ведь ты не пленник У моей ночной тревоги.

А пока не село солнце, Я с тобой легко расстанусь И у низкого оконца Зимовать одна останусь.

В чаще птицы замолчали. Скоро здесь метель промчится. Только знаю, из печали Может песня получиться.

Светлы осенние равнины, Высок прощальный птичий крик. И одинокий лист рябины К стеклу холодному приник.

Так было и всегда так будет — Цветет и умирает сад. Так отчего же сердце студит, Знобит предчувствием утрат?

Светлы осенние равнины. Простор небес необозрим. Но этот тонкий лист рябины Неповторим, неповторим!

Я спою о прохладе бегущей волны, Пусть колышатся легкие тени. Я спою о дыханье далёкой весны, Утонувшей в сиреневой пене. Лишь о том, что так трогает душу мою, Я сегодня тебе не спою...

Я спою о цветущем, сверкающем дне, Где была даже пыль золотая, Где резвилась у ног,

словно в праздничном сне, Мотыльков серебристая стая, Но о том, что так трогает душу мою, Я тебе, милый друг, не спою...

Будет песня моя и тиха, и светла И ничем твой покой не встревожит. Та весна отцвела, догорела дотла; Даже тенью коснуться не сможет, А о том, что так трогает душу мою, Я тебе никогда не спою...

Зачем, зачем душа должна любить, Когда напрасны поиски кумира? А жизнь одна не может искупить Все зло и все несовершенство мира!

Зачем торопим будущий рассвет, Жалеем то, чего не замечали? Бежим короткой радости вослед, Всегда страшась живительной печали.

И жажду жить, и счастье умирать В себя вмещает разум человечий... Все видеть! Понимать! И не сгорать На адовом огне противоречий!

Листку с ветвей легко ль срываться, Лететь неведомо куда? Мой друг, как трудно расставаться, Не зная, свидимся ль когда?

Тревожно, бережно и тайно Я буду думать про тебя, А ты, вдали безвестно тая, Живи, не мучась, не скорбя,

И для меня останься милым, Послушно памятью храним. Прощай, и в слабости, и в силе Всегда будь принят и любим.

А если вдруг в судьбе крушенье И нестерпимая печаль, Тогда пусть светит в утешенье Надежды тихая свеча.

Мне совсем немного надо: Чтобы ветер целовал, Чтобы лунною прохладой Летний вечер обнимал,

Чтоб в жару воды напиться, В стужу — греться у огня, Чтобы тот, который снится, Не сумел забыть меня.

Пусть черемуха знакомо И любимо с детских лет Под окном родного дома Осыпает белый цвет,

Облака плывут, как плыли, Даль становится видней — Лишь друзья не уходили б Из моих летящих дней.

В пору грустную ненастья, Неизменно приходя, Пусть душе дарует ясность Шум осеннего дождя.

А когда судьба назначит Мне покинуть мир людей, Надо мною пусть поплачет Стая диких лебедей.

Случайная встреча в аллее — Печальная память любви. Наверное, снега белее На миг стали щеки мои.

Чуть вздрогнули спящие ветви, Осыпали нас серебром. И шелест обычных приветствий Звучал, как раскатистый гром.

Но взглядом уже не согреться. И в воздухе стынут слова, Озябшего, бедного сердца, Дыханьем касаясь едва.

А помнишь, нам было теплее В лучах исступленной весны?.. Зачем эта встреча в аллее Встревожила зимние сны?

Было тихо. Казалось, услышу, Как в пруду замерзает вода. О мою вдруг ударилась крышу Отгоревшая чья-то звезда.

* * *

Будет в доме теперь холоднее, В очаге остывает зола... Если на небе стало темнее, Значит, в мире прибавилось зла.

Снова тихо, но нету покоя От своей, от чужой ли беды. Ранил душу мне вечной тоскою Пролетевший осколок звезды.

Давно чужая вольному веселью, Я полюбила эту тишину, И комнату, похожую на келью, И сумерки, приникшие к окну...

Когда душа припоминает звуки, Неслыханные прежде на земле, То зарастает след от черной муки И зеленеют травы на золе.

Я научилась с тайною отрадой За каждую слезу благодарить, Стоять перед зажженною лампадой И с Ангелом безмолвно говорить.

За калиткой заглохшего сада Тонут тени в глубоком снегу. Там когда-то была я так рада Поклониться цветам на лугу.

Равнодушно в холодную дрему Осыпается иней с ветвей... А в душистой прохладе черемух Столько счастья сулил соловей!

Неужель это здесь над туманом Для меня поднималась звезда, Утешая беспечным обманом, Будто я не уйду никогда...

И, может быть, судьба обманет За то, что верю в чудеса, И песня петься перестанет, Но неизменны небеса!

Среди вражды, житейской смуты, Где только чудом не сгорю, За безжеланные минуты, За тишину благодарю,

За то, что в сердце уместилось, Как сладкий вздох «благослови!», Как утешение, как милость, Пространство, полное любви!

Из мглы безверья, ниоткуда Что может счастье предвещать? Как день без солнца, жизнь без чуда Не может душу освещать.

Не потому ль среди разлада С непостижимой высоты, Как обещание награды, Слетает властный зов мечты?

И если звезды угасают, Шепча: судьбе не прекословь! — У края пропасти спасают Надежда, вера и любовь.

ЛЕДЯНАЯ РОЗА

Где весна любовью бредит, Холода царят на всей земле, О тепле морозно грезит Ледяная роза на стекле. На границе тьмы и света, Как она бесстрашно хороша! В ризы брачные одета; Словно вещая примета, На нее смотрю я, не дыша... Я любовью, безответно, Согреваю чудо-миражи, Но легко и незаметно Тают ледяные витражи... Не дарить бы мне участья, Охладеть бы сердцем и судьбой, Но беспечный призрак счастья Увлекает в пламень за собой.

Много дней так молилась

молитвой одной

Всей душой, истекающей кровью: За холодное слово, за взор ледяной! Накажи его, Боже, любовью!

Гордо жил, ни чужих, ни своих не щадя, Вновь кричу голубому безмолвью: Он не ведает страха предсмертного дня, Вразуми его, Боже, любовью.

И когда заплутал, погибая во лжи, Сам себя предавая злословью, Все молила: у края спаси, удержи, Подними его, Боже, любовью.

Ну, а если заплачет над жизнью своей, Ангел тихий, склонись к изголовью. Ради долгой и горькой молитвы моей Награди его, Боже, любовью!

СРЕТЕНИЕ

По дорогам февраль гонит Снежную пыль.
Затихает печаль,
Вспомнив нежную быль.
Быль далёких времён,
Как душа мудреца
В свитке детских пелён
Повстречала Творца.

В белом храме светло. Дым кадильный разлит. Стало сердцу тепло От дыханья молитв. И не страшно уже Будет в трудном пути. Ныне с миром в душе Ты меня отпусти.

На дорогах судьбы Кто любви не просил? От тоски и борьбы, Выбиваясь из сил. Милосердный Господь, Всех прощаешь любя. Средь житейских невзгод Только б встретить Тебя.

Осуши наши слезы, Мессия, Ради подвига вечной любви! Терпеливая матерь Россия, Мы безумные дети твои.

* * *

Твои храмы судили с размаху, Чтобы гордо стоять не могла. И ложились безвинно на плаху, Словно головы, их купола.

Сколько мы, погибая безвестно, Проклинали свой горестный край! Забывали молитвы и песни Под вороний неистовый грай.

На земле возжелавшие рая, Испытали пылающий ад... Ждем чего, изумленно взирая На съедающий души разлад?

Нашей памяти светлые блики, Подскажите счастливый исход. Потемнели священные лики, И разбит драгоценный киот...

Наши слезы осушит Мессия, Хватит сил у Великой Любви. Терпеливая матерь Россия, Мы заблудшие дети твои!

ПРОЗА. ХХІ ВЕК

ОН ПРИШЕЛ сюда каленым зимним полднем под больное выожное завывание. Кругом было стыло, бесприютно мёрзло, и пусто отсвечивали дорожные наледи под промороженным огрызком небесного светила, красновато-вжатого к самой земле низким и глухим небом.

А всеохватные снежные космы, в свою очередь, будто на привязи, серебристопрозрачными извивами плавали под крышами задубелых деревенских домов, поддерживаемые трубно гудящим заунывным ветровеем.

И где-то головокружительно высоко, из космической мрачной теми, как в какоето наказание, изредка вбрасывало кем-то к нам сюда немеряными гулкими ударами, по-хозяйски вгонявшими в самое нутро земной тверди всё, находящееся под суровой небесной опекой.

Но, перекрывая это вселенское неистовство, и совсем уже неведомо из какой и где уживаемой бездны нет-нет, да и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримого малютки, вековечно и одиноко страдаемого по обычному, никогда не избывному участию, нашему теплу.

И вот посреди такого бесчинства, поперек середки этой жизни, он долго вглядывался то в одну, то в другую беспросветную сторону, стараясь угадать определить нахождение того самого фонарного столба с самодельным алюминиевым абажуром, всегда брякотавшим, с утра и до вечера задиристо настукиваюшим от любого неказистого ветерка.

И на новенькую сосновую верхотуру которого он еще с мальчишеским бесстрашием единственный из всех и взбирался тогда на проволочных ненадежных креплениях, вообразив себя монтажником-высотником. И откуда, осветив насовсем, однажды ему и открылся вдруг во всей красе, казалось, весь мир,— недосягаемо небесный и одновременно ублажаемый, с нескончаемым лучистым днем.

Но было похоже, что его нынче окружило, не с той стороны и вывело куда надо: рядом с его детской абажурной памятью всегда бок о бок — надежно и защищаемо — как впаянный, стоял еще и вросший в землю родовой бабкин дом, с места не стронешь. А теперь вместо всего этого перед глазами, залепляемыми снегом, лишь несдвигаемой юлой крутило что-то белесо-неосязаемое, стремительное, как будто нарочно не давая хода туда, куда его так неудержимо тянуло.

Только он вскоре хоть неуверенно, но опознал свое безлюдное местопребывание и, пригибаясь, двинулся насквозь продуваемой улицей, краем павловского огорода с его горбатым, алебастрово отполированным сугробом, и держась малозаметной заячьей тропы в сторону самого Пятнишкого озера.

А оттуда, из-под голой горушки, безнаказанной ракетной стеной и взмывали в вышину свистяще-снеговые густые потоки, либо уже замерзавшие на лету, а может, и на раз поглощаемые кем-то невидимо-яростным, заполонившим всё снизу и доверху на этом лобном деревенском юру, словно на последнем жизненном круге.

Неужели и вправду было, что когда-то одним летним вечером ему довелось идти отсюда с ночного костра, в ту пору еще скликавшего со всей округи позубоскалить на пару-другую часов устосавшуюся — за день до одури наработавшуюся молодяжку,— знаемо ли теперь кому-нибудь это время?..

Тогда еще тусклые искры пожога светлячками перемигивались у озера в густом соловьином воздухе, и в береговых сырых кустах без устали кричала какая-то ночная птица — может, потерявшись, или и вовсе накликая кому-то неминуемую беду?..

Только близ его широкого плеча на провожаемой тропинке была та самая приезжая ферапонтовская гостья в голубенькой кофточке, рядом с которой он, известный всей округе своей зимогористой непоседливостью, сразу стал настолько другим, что не только не осмелился на нее взглянуть, даже не в силах был связать двух самых обычных слов...

А она, отчего-то зябко кутаясь в свою душистую кофточку, всю дорогу как-то виновато молчала, думая о своем, ровно никого и не было рядом. Но потом ти-

хонько, точь-в-точь говоря себе самой, то ли напела, то ли просто нашептала, еле угадываемое слухом: «А ты всё спрашиваешь меня: люблю ли тебя?..»

Неизвестно, к кому относились тем, уже навсегда незабываемым вечером произнесенные наподобие молитвы слова: то была их первая и последняя встреча. Наутро она неожиданно исчезла обратно в свои городские края, даже ни с кем не попрощавшись. И до сих дней необъяснимо, какая тайна заставила тогда раз и навсегда умчаться отсюда эту совсем странную, говорившую саму с собой городскую гостью?..

Но зато его самого, в поисках лучшей доли жившего в северном и промороженном шахтерском месте, с тех пор еще настырней и безудержней манило сюда в слабой надежде, хотя бы однажды встретиться взглядом с той, не приснившейся ему молчаливой спутницей на соловьиной тропинке их далекой и необратной юности.

С годами это чувство стало глуше и реже напоминать об удивительной жизни в бабкином доме, заменившем родительский, и какого еще нигде не бывало и никогда больше не будет. Хотя сам он уже давно, немало времени и не переступал его порог, незаметно выросши из вчерашнего школьника в молодого и разворотистого представителя сегодняшнего

недвижимо сковала его самого, точно единично и решаемо определяя ему те последние уготованные минуты, что означены любому и каждому лишь по особой разнарядке свыше.

В это время мимо него, едва не задев, еще не попускаемо и пронеслось дорогой подобием шаровой молнии нечто снежно-непонятное, адски ухнувшее внутри выожного, спрессовано-злого клубка и, вильнув, скрылось в конце деревенской улицы.

А разве когда-то не оттуда, не со стороны ли того самого заулка дядиного дома с резным забором, и было выбегано бессчётно раз этой дорогой сюда на купанье к травяному теплому берегу, для тогдашней ребятни еще самого синего на свете их Пятницкого озера?.. И видел ли потом кто-нибудь его уже таким нынешним,—безнадежно заснеженным и от края до края сравнявшимся с мутным невидимым горизонтом, с неизменной беспощадностью и завершающим во время оное всякие земные пути?

И откуда в таком случае не в шутя, а взаболь и взялось на ум, что наглухо закрещенные входные бабкины двери и являются уже отныне определением последней человеческой дороги на этом свете? А если перед ней, и без того вечно страдавшей глазами, скажем, однажды и распахнулись двери дядькиного дома

и уютно выказывая гнутый стул с желтой полированной спинкой.

— Соловья баснями не кормят,— по сохранившейся еще крикливой привычке с работы на скотном дворе, ершисто громко и вразумил дядька на кухонном кутке подоспевшую хозяйку. И в том же голосистом духе без всякого передыха уже досталось и самому гостю, отчего-то так и оставшемуся на месте: — Прошу к нашему шалашу: в ногах правды нет!

Но он сразу и осекся, недоуменно повернувшись к хозяйке, только что руками по привычке не развел. Хоть все глаза прогляди, но с перворазку и не признавался на свету в этом смуглом бровастом парне в рубашке с оторванной верхней пуговицей тот, знаемый с детских лет их сегодняшний гость, впригибку шагнувший под низкой притолокой на крохотную кухоньку с подкапывающим в углу умывальником.

Вдобавок еще у него на руке между указательным и средним пальцем было изображено — нашлось место пяти заметно выколотым фиолетовым точкам, угадываемо и означающим пребывание в местах не столь отдаленных: кому-то еще у нас нынче по-другому думается? А от виска к щеке у него ломано скользнул — оказался еще свежий шрам, невольно и подталкивающий к безрадостной уважительности при виде коротковолосого обладателя этой буйной головушки на крепких развернутых плечах.

— Было дело,— понимающе усмехнулся он, перехватив невольный взгляд домашних, а потом с неосторожной размашистостью оказался на гнутом, угрожающе скрипнувшем стуле и еще для чего-то раздельно выговорил: — Было дело под Полтавой.— И после уже медленно, неторопливо обглядев тесное комнатное пространство, он даже с каким-то негромким удивлением, немногословно заключил: — Надо же, и, правда, как тогда было: всё по-прежнему.— И, словно удостоверяясь в правоте сказанного, вновь осмотрелся кругом, но уже наскоро, с цепким запоминанием.

И вдруг его взгляд, казалось, остекленел: временно сделался безжизненно-отрешенным, уткнувшимся прямо перед собой. Среди старых выцветших карточек, давно прикрепленных по всей стене, с самого края была заботливо вставлена еще одна: с простенькой деревянной рамки, светло и ясно улыбаясь из какой-то другой солнечной жизни, на него в пестрой летней кофте и смотрела во все глаза его навеки молодая бабка в своем любимом, ловко повязанном ситцевом платке.

Но он все равно еще раз, не веря, обернулся — вскинулся сгоряча в сторону жилой комнаты: там, сколько помнится, рядом с хозяйской половиной всегда соседствовал домашний закуток, ожидаемо и представлявшийся местом заслуженного бабкиного отдыха, лучшего бы и не придумать. А хозяйка, лишь вздохнув, поправила на столе клеенку с выстывшей едой и понимающе покивала:

— Который год, батюшко, уже на иткольском кладбище лежит: наш век не велик, бабьи города не строятся.— И, помолчав, тихо досказала.— В Крещенье как раз, горемычная, и представилась у нас в передней: хоть не намучилась, и то слава Богу...

— Хотя бы дома тогда оглядеться,— после этого выдавил из себя заметно побледневший гость и, не притронувшись к угощению, лишь наскоро сделал несколько чайных глотков, все еще ищуще тревожно оглядываясь по сторонам. А после, выпрямившись во весь рост, он размашисто шагнул опять в прихожую и уже оттуда в наспех накинутой капюшонистой куртке решённо-просительно договорил: — Мне бы там все увидеть надо.

— Что и есть, да не про нашу честь,— скороговористо и отмахнулся тогда молчавший до этого дядька, едва поспев за ним следом.— Больше и ноги нашей там не бывать: давно уже чужим людям продано, и ворота на все засовы заперты,— говорливо сверлил он снизу вверх своего безмолвного слушателя еще зорко глядящими глазами-буравчиками из-под лохмато-треугольных стоячих бровей. Но его обычная разгонистость была прервана теткой, успевшей позади беззвучно, одними губами и отчитать того за лишнюю языкастость, пока она следом семенила

• Окончание на 5-й стр.

Александр ЦЫГАНОВ

ЕРПЫЛЬ

Рассказ

дня с натуристым, почти немигающим взглядом. И, не дотянув еще с целый десяток лет до христова возраста, умудрился с головой окунуться в иные, одному ему знаемые земные радости, и отвернувшие его принудительно надолго даже от мысли о спасительной дороге к самому светлому на свете уголку.

Только одно он всегда знал твердо: если допустить, что случится в этой жизни невозможное, и небеса сами собой разверзнутся, следом еще земля уйдет из-под ног, а всё окружающее и вовсе валом провалится в преисподнюю, - кто высшую волю переволит?.. Но и тогда – успей он чудодейственным образом оказаться здесь, – и в любое время дня и ночи на дощатом кухонном столе его обязательно будут ждать прикрытые газетой воздушные умопомрачительные тоболки, - пышные ноздреватые пироги, в добавку с горячим душистым чаем, настоянном на лесных травах его вечно родной и улыбчивой, всё понимающей бабкой...

А крытая простым тесом бабкина изба и на самом деле через какие-то сотни шагов словно бы уже его дожидалась, будто внезапно и возникнув у самой дороги, хоть рукой дотрагивайся. Вплотную, чуть не по самые окна, занесенная искристоподсиненным обледенелым крошевом, стояла она, только и выказав на всегдашнюю особицу высокое и крутое крыльцо с покосившимися сосновыми перилами.

Гологоловый, укрывшийся от неистово бесящейся круговерти под капюшонистым воротником новомодно-красной куртки, он поначалу даже и не поверил своим глазам, неожиданно обнаружив, что ее входные двери были как бы показательно, внахлест перекрыты парой длинных березовых палок, а на медной дверной ручке висьма висел,— основательно пристроился амбарный черный замок.

Из нутра линялых и стылых оконных рам, фигурно облепленных мерзло неживыми узорами, веяло леденящей пустотой, а сами они чудились привнесенными из какой-то одинокой и страшной, уже непоправимой сказки, а отныне и чудовищно обратившейся в непредсказуемую жуткую действительность. И только тогда все увиденное сошлось — окончательно стало в нем той самой правдой, от какой никому и никогда не удастся и в землю уйти, и на небо взлезть, никуда больше не деться.

А столетняя стынь, между тем, вытягивая живую душу на волю, настолько с этим резным забором, – ведь без веры любая жизнь мертва.

Сколько помнится, всю дорогу ее, несговорчивую, и так постоянно звали сюда к своим да нашим перебраться, чем у себя в одиночку маяться: и всего-то было через две избы в этом ряду перейти. А подругому тут и не могло бы статься: даже ему, бабкиному гостю, разве тогда тоже не были, как родному, всегда рады?..

Кажется, ничего с той поры и не изменилось в этом доме: также в щелевато продуваемом с улицы коридоре поблескивающе мерцали на настенной полке стеклянные банки, и резко отдавало слежалостью от старой конской упряжи, приткнувшейся на полу возле рукодельного громоздкого шкафа. И, торопливо шагнув коридорным затхлым входом он, безотчетно запнувшись, затем и отворил без стука обитую войлоком, тяжелую филенчатую дверину.

А хозяева как и совсем не отходили от своего порога: стояли друг подле друга в полутемной прихожей и, молча глядя на вошедшего, спокойно ждали, когда тот заговорит,— какое-то слово скажет. Но первой не выдержала хозяйка: тетка уже хорошенько состарилась и была, обхватисто перевитая в пояснице полушалком, неповоротливо низка, подслеповато щурясь широким добрым лицом в изведенных глубоких морщинах.

Ой, ты, батюшко рожоный,— угадываемо повглядевшись, нараспев и завыводила она, покачивая головой.— Да откуда Господь-то тебя в наши края сподобил, вель кругом и белого света не вилать!..

- Вышло так: по пути было, - глухим и простуженно хриплым голосом неопределенно отозвался гость и, не обращая ни на что внимания, только неотрывно глядел вперед. - Надо, чтоб сразу сюда и обратно было, - невразумительно повторил он, продолжая напряжённо-выжидательно, не моргая, смотреть на дверной проем в большую комнату.

Но сам хозяин — дядька оказался еще бодр и скор на ногу, уже вовсю шуродил: без лишних слов вызволил из русской печки утрешнее варево, а на кухонном столе рядом с горкой хлеба в цветастой тарелке появился и внушительно граненый стакан с пакетным, свежезаваренным чаем. Сквозь оконную застиранную занавеску блекло пробивало уличным светом, подомашнему отражаясь на электрическом блескучем самоварчике с дутыми боками

АНТОЛОГИЯ ВОЛОГОДСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Красов Василий Иванович [23.XI(5.XII).1810, Кадников Вологодской губ.,— 17(29).IX.1854, Москва] — русский поэт. Родился в семье бедного священника. Учился в Вологодской духовной семинарии, в 1830—1834 годах — в Московском университете, где сблизился с В. Г. Белинским, был членом кружка Н. В. Станкевича. С 1832 года печатался в «Телескопе», «Молве», «Московском наблюдателе», «Библиотеке для чтения», «Киевлянине», почти в каждой книге «Отечественных записок». Белинский высоко ценил дарование В. И. Красова, дорожил дружбой с ним. В 1837 году Красов занял должность адъюнкта по кафедре русской словесности Киевского университета. После неудачной защиты диссертации на степень доктора общей словесности (1838) вернулся в Москву, преподавал в гимназиях, мало писал. Умер от чахотки в крайней бедности. Поэзия В. И. Красова выражала душевные тревоги молодой России 30—40-х годов; его герой, жаждущий счастья, не находит места в мире лести и обмана, заговора и клеветы. Лирическая взволнованность, элегическая грусть, находившие подчас тонкие музыкальные формы, сочетались у Красова с народной простотой поэтической речи, восторженная романтичность — с реалистическим изображением чувства, настроения. По мнению Н. Г. Чернышевского, В. И. Красов «... был едва ли не лучшим из наших второстепенных поэтов в эпоху деятельности Кольцова и Лермонтова» (Полн. собр. соч., т. 3, 1947, с. 200).

МЕТЕЛЬ

Поздно. Стужа. Кони мчатся Вьюги бешеной быстрей. Ах! когда бы нам добраться До ночлега поскорей! У! как в поле темно, бледно. Что за страшная метель! И далек ночлег мой бедный, Одинокая постель. Мчуся. Грустно. Злится вьюга По белеющим полям; И сердечного недуга Я постичь не в силах сам.

То — прошедшее ль с тоскою Смутным чувством говорит? Иль грядущее бедою Мне нежданною грозит?.. Пусть всё сгибло в раннем цвете, Рок мой мрачен и жесток; Сладко думать мне: на свете Есть блаженный уголок... И в полуночи глубокой, Как спешу к ночлегу я, Может — ангел одинокий Молит небо за меня...

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

ТОВОРЯТ, что сейчас время коммерции... И в советском прошлом полным-полно было дельцов от литературы: толпы поэтов-песенников, россыпь сомнительных «детских авторов», и целый строй халтурщиков, готовых накропать за государственные деньги пухлые тома — достаточно вспомнить бесконечно серую книжную серию «Пламенные революционеры».

Только тогда они знали свое место и под очи «сиятельного начальства» не лезли, хотя и имели тайных покровителей.

А ныне акунины, маринины и донцовы в фаворе. Только на их похороны (да продлятся их дни!) никогда не придет народ, как в случае с почившим недавно В. Г. Распутиным, а только «почитатели таланта».

А чтобы писательские организации не раздувались и не лопались от чрезмерного тщеславия авторов и всеядности руководства, нужны профессионализм, характер и сила воли тех, кто рассматривает рукописи

Наше Вологодское отделение Союза писателей России считается в России чуть ли не самым жестким. За год принимаем одного-двух,— это в лучшем случае,— а порой и вообще «оставляем на бобах» претендентов.

Впрочем, семинары и обсуждения проводим регулярно, пишем внутренние и внешние рецензии, пестуем талантливую молодежь, если таковая находится.

А вот с графоманами — просто беда. На наши головы вылиты цистерны помоев, мы нажили себе кучу врагов, но со своих принципиальных позиций мы не уйдем, как бы ни хотели и не жаждали нашего отступления окололитературные безличности.

Мировоззренческие противоречия сейчас вышли на первый план. Например, с местной ячейкой «Союза российских писателей», в которой графоманов — большинство, мы несовместимы, прежде всего, с идеологических и эстетических позиций. Жаль, что руководство города и области поддерживает именно этот самозваный союз,— предоставило дом, деньги на издание их сборника и т. д.

В последние годы происходит выдавливание нашей писательской организации из вологодского культурного пространства.

Властям наши антиподы «идеологически близки». Мы никогда не забудем,

как почти 20 лет назад один крупный вологодский чиновник, заместитель губернатора, распорядился отменить торжественный литературный вечер в честь выдающегося критика и литературоведа Вадима Валерьяновича Кожинова, истинного друга Николая Рубцова. Но в последний момент Кожинова заменили на... одесского хохмача.

Союз писателей СССР и, соответственно, Союз писателей РСФСР, был образован в 1934 году, прекратил свою деятельность в 1991-м, но сразу же передал все свои полномочия национальным отделениям. В нашей стране его правопре-

ческими причинами, но оформленными «медвежьей властью» юридически. Была у нас однажды встреча с чиновниками... Мы твердили о необходимости закона «О творческих организациях», об обязательных квотах для библиотек, о статусе профессии, о нормах в выплате гонораров, о государственной поддержке книгоиздания и журналов,— а нам: «И не мечтайте! Это противоречит закону об общественных организациях, ваши требования мы не примем к исполнению НИКОГДА!».

Все понятно: не закону, а их идеологии все это противоречит. Они, вероятно, думают жить вечно

«Друзья! Друзья! Какой раскол в стране!..»

емником (и фактически, и юридически) стал Союз писателей России, объединивший подавляющее большинство русских писателей.

Все остальные так называемые «союзы»: Союз российских писателей, Союз литераторов РФ и т. п. — организации самодеятельные, незаконнорожденные, вобравшие в себя преимущественно либеральных «деятелей пера», не принятых в советское время в профессиональный Союз по вполне тривиальному поводу: бездарности. Часть советских писателей, в основном русскоязычных москвичей и питерцев, вошла в Союз российских писателей по идеологическим соображениям, часть была принята уже в 90-е и «нулевые» на скорую руку.

Есть в их рядах и подлинные литераторы: А. Варламов, А. Киров и др., но их крайне мало, и существуют они там в виде исключений.

Власть благоволит Союзу российских писателей: выделяет гранты, премии, поддерживает журналы, рекламирует их авторов на телевидении и т. д. При либеральном строе это естественно. Впрочем, после известных событий наметился поворот в патриотическом направлении, но пока он не принял зримых форм, и вот почему

Многолетняя неопределенность нашего Союза объясняется мировоззрен-

Ольга Фокина давно уже не питает иллюзий: «Литература у нас, как и церковь, отделена от государства».

Три позорные статьи Конституции сделали возможным разгром нашей культуры и литературы. Во-первых, запрет идеологии, фарисейский по своей сути, так как идеологию отменить невозможно, как нельзя отменить ветер, дождь и снег. На самом деле она живет и процветает — идеология потребления и наживы любой ценой

Во-вторых, отмена цензуры — еще одна ложь. Фактически цензура существует,— национально ориентированные граждане, особенно русские писатели, ощущали и ощущают на себе ее тяжелую длань. Но она избирательна: ползучий либерализм свил свое змеиное гнездо в бюрократических структурах и чувствует себя там прекрасно. Русофобии и антисоветизму никто преград не ставит — они заполонили экраны и газетные полосы, а пошлость просто льется рекой, уничтожая последние остатки вкуса.

И, наконец, в-третьих, статья о преимуществе международных законов перед национальными,— вершина подлости, капитуляция страны перед международным капиталом, предательство и сдача всех позиций. В эти широко раскрытые ворота и хлынула западная муть под радостные крики русофобов всех мастей: ЕГЭ, ГМО, ВТО, ИНН, болонская система образования, ювенальная юстиция, толерантность, гендер и прочие мерзости.

Впрочем, в нашей жизни есть самое главное — православная вера. Если мы будем держаться за Церковь, как за спасательный круг, то перенесем любые испытания. Отрадно, что есть и зримые примеры этого процесса: так, недавно принято решение о возвращении Русской православной церкви Воскресенского собора Вологды. Дело не в том, хватает или не хватает храмов, а в том, что в алтаре теперь не будет запустения: «Богу — Богово, а кесарю — кесарево».

Жаль, что духовное еще не вполне осознано теми, кто отвечает за культуру. Государственную поддержку получает, например, фестиваль молодого европейского кино VOICES. Мы любим киноискусство, но этот фестиваль, к сожалению, пропагандирует чуждые нам «ценности».

Нынешняя мололежь нахолится в расколотом состоянии, как и все общество. Единственное отличие от старшего и среднего поколений - та жажда, с которой они хотят постичь истину. Ищут они ее везде, в том числе в русской публицистике, поэзии и прозе, - в интернете, конечно, -- но и там они тычутся, как слепые котята, пока не начнешь направлять их по верным адресам. К всеобщему ужасу, на первый курс университета, в котором я работаю, молодые люди и девушки приходят с минимальными знаниями, в голове у них - «чистая доска». Но и душа у них чистая, несмотря на многолетнюю пропаганду греха. И растут они быстро, даже стремительно, если поверят нам, если для них станет близким то, о чем мы говорим и пишем. Так и хочется повторить вслед за Сергеем Есениным:

Друзья! Друзья! Какой раскол в стране, Какая грусть в кипении веселом!..

А темы, идеи и смыслы у нас вечные, как и сама жизнь души и духа. С нами Бог.

Виктор БАРАКОВ, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России

Александр ЦЫГАНОВ

ЕРПЫЛЬ

Рассказ

• Окончание. Начало на 4-й стр. за вовсе уже сменившимся с лица и лишь кивком головы простившимся гостем.

А напоследок еще и входная дверь, настежь распахнутая от неудержимого ветрового рывка, пружинисто и захлопнулась обратно, оставив ее, простоволосую, на выожном крыльце в одной домашней безрукавке. И тогда, захлебываясь от сносящей с ног непогоды и боясь, что не доскажется самое важное, она и захвата-

лась из последних сил за рукав ухнувшего — ступившего в снеговину путника:

— Не небо уж ли с землей смешалось, господи,— задыхалась тетка, не успевая, как следует, выговорить.— Батюшко, ведь ждала она тебя, слышишь,— качала она головой с путающимися на гудящем ветре седыми длинными волосами.— До последнего дня,

рожоный мой, одного тебя и звала... Только ее слова, летуче подхваченные разгулявшимся не на шутку уличным вихрем, думалось, уже совсем решительно поглотили и все остальное, а заодно еще походя, играючи смахнули поземкой и остатние следы недавнего гостя, буквально растворившегося за пилеными зубцами их огорода.

А для него, закалившегося в знаменитом на всю страну шахтерском поселке

с названием, что у металла серебристобелого цвета, не тускневшего на воздухе, разве могло еще сейчас быть какое-то препятствие на пути к самому дорогому и невозвратному, чуемому им в последнее время как во сне, так и наяву.

И ему, вскоре безоглядно оказавшемуся за деревней на дороге в сторону последнего бабкиного упокоения, где только ангелы ходят рядом с невидимыми людьми, не могло уже быть важным, почему это ветер, небось, почище самого демона и бьет сегодня в лицо, а вчера он дул в спину. Кровь из носу, но ему нужно было хоть по воздуху, да преодолеть теперь это невзъемное трехверстное расстояние от пятницкого озерного берега и до иткольского места с останками кладбищенской часовни, прямо к неприметному родимому бугорку, где ночь и звезды, птицы и травы, насекомые и деревья - это все соседи и друзья, постоянные спутники и собеседники, и где уже никому не следует искать понимания.

Но где у вечного молитвенного креста можно просто броситься в ноги, в искренней надежде услышать готовной душой чье-то тихое прощение, милосердно и дарующее дивно-благодатный покой, пусть даже на один сердечный стук, хоть неналолго.

Неизвестно, как и сталось дальше с его неприкаянной душой, но после этого никто уже не видал его в этих краях: может, человеку и вовсе обрыдло,— не захотелось больше показываться во враз и ставшим для него навсегда чужим месте. Только одному лишь его ангелу-хранителю было ведомо, что загнанный в пятый угол ерпыль — так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру, потому и сунулся сюда, что больше уже нигде и никогда его так не любили на всем свете.

6 июня 2015

НАШИ В СИРИИ

В середине июня делегация Союза писателей России побывала по приглашению писателей Сирии в этой прекрасной, но истекающей кровью стране, в которой идет гражданская война... В составе делегации были Олег Бавыкин, председатель иностранной комиссии СП России, Александр Казинцев, заместитель главного редактора журнала «Современник», Анатолий Ехалов, писатель из Вологды и Виталий Мальков, писатель из Белгорода.

Мы ВСТРЕЧАЛИСЬ с писателями Сирии, были на приеме вице-президента Сирии, секретаря партии БААС. И там, и тут говорят о ценностях восточных и западных. Одни – ценности человеческих отношений и любви, другие - поклонение золотому тельцу, которое несет ложь, фальшь, кровопролития и разруху.

Кстати, писательская организация — серьезный и действенный инструмент государственной и социальной политики в Сирии. В свое время Хафиз Ассад построил в центре Дамаска семиэтажное здание и подарил его писателям. Писатели заняли два этажа под свои структуры, а остальные площади стали сдавать нефтяной кампании, получая за аренду миллион долларов. Вот на эти деньги во многом и строится работа писательской организации. На 20 миллионов сирийцев 250 писателей. У них может быть еще и основная работа. Многие занимаются научным трудом, преподавательской деятельностью, есть строители, врачи... Все они получают помимо основной работы еще и зарплату, как писатели. По достижению определенного возраста они будут получать писательскую пенсию. На следующий день по прилету нас привезли в культурный центр, в котором чествовали писателей ветеранов, выходящих на пенсию. Им вручали грамоты, подарки и конверты с деньгами. С этого момента писатели-ветераны теряли право голосовать при выборе руководящих органов в писательской организации, оставаясь при этом членами писательского союза. Наверное, это правильно.

Нужно давать дорогу молодым. Будь такое правило в нашем союзе, то голосовать, пожалуй, было бы некому. Не вырастило писательское сообщество себе

В Дамаске время от времени гремят взрывы. Только что мина попала в административное здание губернатора. Линия фронта в восьми километрах. Там уже другое государство, где, судя по телевизионным программам, режут несогласным головы. Народ очень спокоен, доброжелателен и жизнерадостен. Даже ополченцы и военные на многочисленных блокпостах. Все улыбаются вам, как родным и близким. Такое ощущение, что все сирийцы старые добрые знакомцы или родня. Вспомните нашего полицейского гаишника, который илет к вам, поигрывая жезлом, словно вы самый последний преступник на земле. А здесь война. «Руси» и «Москва» – пароль через все

В самом старом городе мира на древних стенах с греческими письменами - свастики с северных старинных полотенец. Вот он где наш орнамент!

Специалисты говорят, что наши северные обережные орнаменты являются материнскими по отношению к древне-

Вечером пальба усилилась. Взрывы следовали одни за одним. Три, пять, десять... Скоро они стали уже подбираться к гостинице, где на открытой террасе мы ужинали. Какой-то театр абсурда: сзади нас звучала латино-американская музыка, впереди гремели взрывы, молчаливые официанты лишь мрачнели лицами.

Здесь не любят говорить о войне и разрушениях. Наверное, это потому, что война и так разогнала посетителей.

Ночью за окном раздавался гул самолетов. Потом прогремело несколько мощных взрывов.

Утром мы встречались с министром культуры, который говорил, что культура выше политики. И это в стране, где идет гражданская война.

У нас государственные органы воюют с культурой. Все сокращения бюджетов начинаются с культуры.

Водитель рассказал, что две мины по-

пали в соседнее административное здание и два человека, сидевшие в машине, убиты. И что ночью авиация подавила огневые точки, досаждавшие городу.

В середине девяностых годов в Сирии был Василий Иванович Белов. В качестве секретаря СП РФ подписал договор о дружбе с писателями Сирии за утверждение прогрессивной гуманитарной культуры, за возвращение достоинства

Мне передали книгу Белова на арабском «Повести и рассказы». Прочесть невозможно, но приятно.

Вот о чем говорили писатели из Сирии

ветственностью могу сказать, что лучше русских, советских людей нет во всем мире. Самые добрые, открытые, честные, душевные - русские.

... Можно сказать, что Сирия оправляется от страшных ударов и ран и строит планы на свое счастливое будущее. И, поездив по воюющей стране, мы уверовали, что она сможет преодолеть этот страшный для нее период.

По всем городам, трассам, которые находятся под контролем сирийской армии и ополчения, и находятся в идеальном состоянии, висят баннеры, но не рекламные. На них портреты героев, которые отдали свою жизнь в этой борьбе. Их много, очень много ушедших безвременно, отдавших свои жизни за Сирию.

Но растет ополчение, пополняется молодыми ребятами. Сирия сражается.

В Тартусе террористов нет. Здесь живут в основном алавиты, которые поддерживают существующую власть. Боевикам ИГ в Тартус дорога закрыта.

Но вот что говорит доктор Ибрагим Истанбули:

Да, в Тартусе большинство коренного населения – алавиты. Но Тартус принял более миллиона сирийцев из других городов - это в основном дети, женщины и старики – ибо мололые остались там. чтобы воевать на стороне различных террористических групп. И всё же их семьи живут и работают в Тартусе спокойно и работают в самых разных областях торговли, живут они даже в деревнях и селениях, где население целиком состоит из

Видя эту доброжелательность и приветливость на улицах в Ламаске, невольно думаешь, как могло статься, что араб пошел на араба, брат на брата.

Кто разделил этот великий богатейший арабский мир, кто стравил между собой сирийцев на этой благословенной земле. дающей до четырех урожаев в год...

Едем из Дамаска в Тартус, город на берегу Средиземного моря. Машина пришла за нами с опозданием. Поехали объездной дорогой. Сопровождающий нас сирийский писатель сказал, что это он предпринял специальные меры предосторожности. Никто не должен знать по какой дороге мы выехали и когда. До нас были обстреляны писатели из Иордании, приехавшие солидаризироваться с сирийскими писателями. Кто-то «слил» информацию: номер машины, маршрут, время. Иорданцы были только ранены, их спасли книги, которые сзади защищали салон от пуль.

Дорога в 250 километров. Заправки разбиты и не работают. Много разрушений в городах и селениях.

Мы попросили заехать в крепость Шевалье, которую в свое время построили крестоносцы, пришедшие на святую землю освобождать гроб Господень. Два года крепость удерживали бойцы ИГ, поддерживаемые местным населением. Полгода назад в результате осады и боев оставшиеся в живых террористы и часть поддерживавших их местных жителей суннитов ушла в Ливан. Сначала нас не хотели пускать туда. Но магическое слово «руси» сработало.

Страшны последствия этой войны. А в Сирии, по словам одного толкового сирийского издателя, идет сразу пять войн: глобальная - США против России, религиозная - между шиитами, суннитами, алавитами, христианами, друзами, региональная - за интересы соседних государств и террористическая.

Маалюля. В этом православном монастыре крестили сына моего товарища Олега Бавыкина, работавшего в начале восьмидесятых директором русского культурного центра в Дамаске. И крестили его самого. Спустя многие годы мы с Олегом побывали в Маалюле, недавно освобожденном от террористов. Нас опять не хотели пускать, в пещерах могли скрываться снайперы ИГ. Но после долгих переговоров с начальством по телефону – пустили.

Красота этих мест невысказанная. Если прочитать это название по-русски, получится «земля любви». «Ма» — земля, «Леля» – богиня любви. Как переводят это название сирийцы – не знаю. Но многие из них подчеркивали схожесть в названиях наших стран Россия и Сирия. Причем, сирийцы говорят «сурия». А «сурия», «сурья» – одно из наименований солнца у древних славян. Однако

Анатолий ЕХАЛОВ

Сирийские встречи

сегодня. О том, что арабская весна – это инструмент разрушения в руках Америки. Сирия – задний двор России. Задавить ее – значит, лишить Россию интересов в арабском мире.

Санкции против Сирии не дали результатов, тогда начались военные действия. Исламское государство – дочернее предприятие Америки. 83 государства участвуют в этой агрессии против Сирии. Одни поставляют наемников, другие финансируют, третьи поставляют оружие, четвертые обучают террористов. 137 телеканалов работают на них. Идет страшное информационно-идеологическое давление, реальные события искажаются.

В Турции – центр антисирийской каолиции: здесь Саудовская Аравия, Бахрейн, Марокко, Тунис. Иордания... И вот всей этой силе противостоит маленькая Сирия размером с Вологодскую область с населением в 20 миллионов человек, расколотым гражданской войной. На ее стороне только Ливан, Иран и Палестина.

Но доктор технических наук Ибрагим Истанбули, переводчик из Тартуса, дополняет:

 Не вся Палестина стояла и стоит на стороне сирийского народа и государства, наоборот, очень многие палестинцы, живущие в Сирии и родившиеся в Сирии, а также и прибывшие из-за границы – присоединялись к террористической войне против законного правительства и участвовали во многих террористических актах и боях против сирийской армии.

..С особой надеждой смотрят сирийцы на Россию, которая сама бьется в тенетах мировой закулисы и собственных олигархов. Будет сильной Россия, считают сирийские писатели - рабочие и крестьяне всего мира будут счастливы... Сирия, вопреки страшному давлению со стороны империализма, продолжает строить социализм.

Мы встречались со многими сирийцами, довольно хорошо говорящими по-русски. Это те, кто в семидесятыхвосьмидесятых годах учился в Советском Союзе. Они считают это время лучшими годами своей жизни и боготворят русский народ. Их 37 тысяч. И они даже писали Путину, предлагая ему свою поддержку. Правда, ответа не получили.

 Я по долгу своей службы, – рассказывал мне сириец, доктор технических наук, - объехал весь мир. И со всей оталавитов. И у последних нет ксенофобии по поводу, кто с ними рядом живёт..

Как ездят по Дамаску? По Сирии нас возил сам начальник гаража Союза писателей, пожилой темнолицый араб, которого, казалось, знает весь шестимиллионный Дамаск. Он поразил нас в первый же день.

Выехав из ворот Союза писателей, мы тут же попали в безнадежную автомобильную «пробку». И вот тут наш водитель умудрился развернуться в «пробке» и двинулся встреч потоку. Улица была с односторонним движением, ехать было некуда, и мы подумали, что водитель сошел с ума. Но никто из участников движения даже и бровью не повел, чтобы выразить возмущение, как это бывает у

нас. Видели эти безvмные маневры и полицейские, но также не прореагировали.

И чудо: кто-то подвинулся, кто-то сдал назад, и через минуту мы покинули «пробку» и вырвались на широкий проспект.

По Дамаску ездят, нарушая все возможные правила. В потоке - машины. мотоциклисты, велосипедисты, пешеходы, вездесущие цыганки, собирающие свою дань, беженцы.

Едут на красный, по «встречке», пересекая сплошные и двойные сплошные... Мы не видели за неделю ни одной аварии, ни одной стычки, ни одного гаишника, остановившего водителя за нарушение правил... И поняли главное правило сирийских дорог: если человек нарушает правила, значит, у него есть на то причина. Значит, ему надо. И все относятся к этому с пониманием. Даже приветливые и улыбающиеся гаишники.

А ведь в городе война. И город превращен в настоящую крепость. Дороги разделены бетонными блоками, на каждом перекрестке блокпосты, противотанковые ежи, колючая проволока и спираль Бруно... И часть Дамаска под контролем боевиков ИГ.

Монастырь был жестоко разрушен боевиками, монашек увезли в Ливан в качестве заложниц, и только недавно они были освобождены, но пока они не возвращены в монастырь, который восстанавливают местные жители и ополченцы.

На этих фото вы увидите следы поджога могильного грота, многие иконы украдены или разбиты, но самые старые и ценные чудом уцелели. Они, перевернутые валялись на полу среди мусора, камней. По ним боевики ходили, но не догадались поднять.

На одном фото следы крови и мозгов боевика-снайпера, который устроил засаду в келье. Рассматривая входное отверстие пули в раме, поразившей боевика,

• Окончание на 7-й стр.

• Окончание. Начало на 6-й стр.

я оперся о стену, и мне тут же сказали, что запачкал свои руки кровью террориста. И это прикосновение, словно обожгло меня... Не дай нам, Бог, такого!

На нашего водителя, которому мы на неделю доверили свои жизни, нельзя глядеть без восхищения. Он проползает на своем микроавтобусе в настоящие щели...

Темнокожий, нос большой картошкой, в самую жару в темном костюме. Видимо, дрескод. Настоящий раис писательских водителей. На каждом блокпосту, а они в Дамаске на всех перекрестках, уморительно приветствовал солдат и ополченцев, показывая им удостоверение региональной организации партии Баас: «Здравствуй, красавчик!»

Он, без сомнения, много чего бы рассказал нам, знай, он русский язык. Но некоторые отрывки из его монологов нам перевели.

Он из йеменских племен, потому такой черный. Семеро детей. А у его отца было тридцать детей от семи жен. А вообще водитель сказал, что он знает свое родовое древо на тысячу лет и гордится этим.

В Хомсе бандиты у него отобрали квартиру. Благо, не убили, А потом предложили выкупить у них собственную мебель из собственной квартиры.

У повелителя всех водителей писателей Сирии начался рамадан, и видно было, Анатолий ЕХАЛОВ

Сирийские встречи

как непросто даются ему ограничения в еде. Он становился молчаливым, сторонился нас. И когда мы приезжали куда-либо, уходил и сидел смиренно в сторонке. Ведь ни пить, ни есть нельзя до вечерней звезды. Видимо, он переживал за то, что мы остаемся без его внимания. Поэтому вечером, за ужином, как бы в искуплении, носил нам со своего стола соки и кофе

От бандитов пострадали многие. Редактора писательской газеты «Литературная неделя» подрезали и остановили на дороге. Машину отобрали, самого выкинули на обочину.

Если бы они знали, кто я, убили бы тут же и бросили тело в канаву.

Нам рассказывали в Маалюле, что бандиты на своих блокпостах, также проверяли документы у всех едущих. Если ты – шиит, то тебя забирали в заложники, чтобы получить выкуп. Если – алавит или христианин – стреляли тут же.

Так на какой почве столкнулись в непримиримой схватке граждане цветущей Сирии. Понятно, кто инициировал эту вражду, но что разделило этот мирный и доброжелательный народ на благословенной земле. Трудно объяснить, почему сунниты воюют против шиитов, и почему алавиты убиваемы в первую очередь, если все они поклоняются одному Богу

На одном из роликов, выложенных в инете, боевик из ИГ пишет на стене:

«Севодня Сирия, завтра Россия...»

Стоит задуматься, как встать нам над этой схваткой, встать выше амбиций, выше обид и гордыни, выше меркантильных, мелочных порой интересов... Чтобы не ввергнуть себя в эту кровавую пучину, приготовленную по заказу чужого стороннего человека... А в Украине уже разделительная черта проведена.

ПРОЗА. ХХІ ВЕК

СМИРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Смотритель при храме – должность, в общем-то, женская. Дел и делишек всяких - уйма! Надо подсвечники после службы протереть, воду для крещенской купели нагреть и принести, за порядком в храме следить. Хоть за чистотой, хоть за лихими людишками, норовящими чтонибудь спереть.

Времена менялись...

Храм наш стоял возле городского рынка и, бывало, подвергался набегам разных чудаков. Один прямо на середине вытряхнул полный ящик румяных яблок, видать, для пущей своей торговли. Другой чудачина бутылки с пивом по деревянному полу с грохотом кататься запустил, не иначе от алкоголизма надеясь отшатнуться. Третий – произносящего на солее ектению диакона по плечу хлопнул и пьяно поинтересовался: «А в ухо хошь?!». Но диакон был не робкого десятка и с достоинством ответствовал: «Отдачей не замучаешься?». Бузотера незамедлительно и ловко «упаковал» наш новый смотритель Ваня, вытащил проветриться на улицу...

Ваня, крепкий мужичок за пятьдесят, прибился к храму на радость прочим бабушкам-смотрительницам, поселился бобылем в сторожке. Обходительный и вежливый с коллегами он не чурался всякой работенки - только седая его голова то тут, то там в храме мелькала. Лихоимцам с улицы надежный заслон был поставлен. Одного даже Ваня поймал с поличным — вывернулиз-под полы сворованную икону. Огрел «экспроприатора» несильно по загривку и вытолкнул восвояси. Допытывались у Вани – чей он да откуда? Только молчал упорно в ответ смотритель, лишь хмыкал в лохматые свои усы.

Вот смиренный какой человек...-

шамкали старушонки.

Тайна разрешилась в День Победы. Ваня пришел на службу в парадной офицерской форме с орденами и медалями на груди. Прихожане взирали на сие «явление» с раскрытыми ртами, кто-то из старушонок робко поинтересовался:

- Где ты, Ваня, успел повоевать? Вроде еще и не старый...

Ваня, как всегда, немногословен:

В Афгане. Дворец Амина брал. После праздника Ваня вдруг пропал, никто из наших прихожан не повстречал его больше. Уехал, видно, куда-то. Туда, где его не знают.

НАКАНУНЕ РЕФЕРЕНДУМА

Наш алтарник Вася, про таких говорят – взрослый паренек, прибрёл на воскресную службу заспанный, вялый, тетеря тетерей. То ли за ночь не выспался, то ли кто-то ему в том помешал. Только за что ни возьмется Вася, все из рук у него валится. На службе кадило не вовремя батюшке подаст; все в алтаре в требуемый уставом момент делают земной поклон перед Святыми Дарами, а Вася, задумавшись о чем-то своем, стоит столбом, ушами только не хлопая. К концу службы вдобавок и горящие угли из кадила по полу рассыпал.

Все, Василий, хватит! – укоряет его настоятель. – Иди-ка и отбей сто земных поклонов посреди храма перед аналоем! Может, проснешься... Через руки-ноги и спину быстрей получится!

Вася честно и истово бьёт перед аналоем поклоны. Тут как тут сердобольные бабульки-прихожанки, его окружают, жалеючи вопрошают:

Что ж ты так, Васенька?!

Вася, отбив последний поклон, кряхтя и обливаясь потом, находчиво-бодро от-

Я за Крым молюсь! Чтоб там всё хорошо было!

Патриот.

спросил владыка.

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

На дальний приход приехал строгий архиерей, заметил какие-то непорядки. За трапезой – напряженное молчание.

Местный батюшка, прежде чем вкусить скромных яств, осторожно перекрестил свой рот.

СВЯТОЙ

В разгар грозы молния ударила прямо в купол колокольни, стоявшей на бугре на отшибе от городка церкви. Вспыхнуло гигантской свечой, даром что и дождь еще не затих.

Пусть и времечко было советское, атеистическое, храм действующий, но народ тушить пожар бросился дружно.

Потом батюшка одарил особо отличившихся мужичков полновесными червонцами с ленинским профилем.

Мужики бригадой двинулись в «казенку», событие такое отпраздновали на полную «катушку». Потом постепенно, по прошествии лет, все бы и забылось, кабы не опоек Коля – в чем только душа держится. Всякий раз, торча в пивнушке на своих, колесом, ногах, за столиком, он вспоминал геройский подвиг. И втолковывая молодяжке, что если б не он, то б хана делу, «сгорела б точно церква!», блаженно закатив глаза, крестился заскорузлой щепотью:

голове – взлохмаченная кудель рыжих крашеных волос.

- Вы куда? Женщинам же сюда нельзя! - с тихим ужасом восклицает кто-то из молодых батюшек.

Я не женщина! – нисколько не смущаясь, ответствует «джинсовая» дама.главный инженер!

И неторопливо бродит по алтарю, смотрит на датчики на стенах, фиксирующие процент влажности, записывает что-то в локнотик.

Сделала свое дело и – как, ни здрасьте, так и ни до свидания!

Все оторопели. Немая сцена...

ВСЕ-ТАКИ ПОЛЬЗА!

Бабулька тащит батюшке связку сухих позеленевших баранок:

Хотела вот поросенку отдать... Да ты возьми! Хоть помолишься обо мне, грешной!

БЕЗ ГРЕХА

Благообразного вида старушонка священнику:

 Ой, батюшко, хотела бы причаститься да все никак не получается!

Иди на исповедь! – отвечает ей молодой батюшка. – Знаешь, что в Чаше-то находится?

Старушонка хитро поглядывает, почти

шепчет заговорщически:

Знаю... Да только не скажу.

Евангелие читаешь? — продолжает допытываться священник.

 На столе всегда лежит,— ответствует бабулька.

Так читаешь?

Так на столе-то оно ведь лежит!

Много грехов накопила?

Ох, батюшко, много-много! – сокрушенно всплескивает ручками старушка. Перечисляй тогда!

Бабулька задумывается, вздыхает вроде б как с огорчением:

Да какие у меня грехи? Нету...

ДАНЬ МОДЕ

Молодой священник отец Сергий пришел сам не свой:

 Пригласили меня освящать «новорусский» особняк... Час уж перед обедом. В вестибюле юная дамочка встречает. В одной прозрачной «ночнушке», коротенькой, по самое «не могу». Этак, спросонок, щебечет: «Вы работайте, работайте! Если я вам мешаю, то на балкончике пока покурю».

Освятил особняк отец Сергий, водичкой везде в комнатах покропил, от прелестей дамочки-хозяюшки стыдливо глаза отводит.

- Понимаете хоть - зачем вам это освящение жилища? - спрашивает.

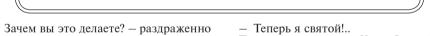
Так модно же! – удивленно округля-

ются глазки с разма-

занной косметикой. Чем я хуже других?! А вы получили

за свою работу, так молчите!

Иерей Николай ТОЛСТИКОВ

ПРИХОДИНКИ

СОВЕТСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

На всякий случай. Чтобы бес не за-

Из трапезной храма подкармливают бомжей. Повариха выносит им на улицу кастрюлю с супом.

А может, чтоб не выскочил?

Минута - суп проглочен. С пустой посудиной в руках стучится в двери пьяненькая пожилая бомжиха, говорит

«Второе», пожалуйста!.. И десерт!

НЕ ЗАЗНАВАЙСЯ!

Настоятель храма из районного городка давненько в областной столице не бывал, даже архиерей успел поменяться.

Нало ехать, брать благословение у нового.

Приехал, зашел во двор епархиального управления. Видит: автомобиль чинят, из-под него ноги чьи-то торчат. Батюшка был то ли из отставных вояк, то ли из «ментов», церемониться с простым, да тем более с обслуживающим, людом особо не привык:

 Эй ты, водила! – окликнул он ремонтника и даже по подошвам ботинок того легонько попинал. – Не знаешь, новый владыка на месте?

Ремонтник молча и неторопливо выбрался из-под автомобиля и, обтирая тряпкой испачканные маслом свои руки. с нескрываемым любопытством поглядел на вопрошавшего:

Вообще-то, я не водила, а ваш новый владыка!

Батюшка тут и сел...

Так и прозвали его – Коля Святой.

ВТОРАЯ НАТУРА

Длинноносый, в очочках, слегка прощелыговатого вида, местного пошиба чинуша Голубок был еще и уполномоченным по делам религии при райисполкоме.

Времена наступили уже «горбачевские», в отличие от своих предшественников, Голубок настоятеля храма в городке не притеснял, постаивал себе по воскресным службам скромненько в уголке возле свечного «ящика».

Скоро «необходимость» в уполномоченных вместе с самой властью и вовсе отпала, Голубка вроде б как выперли на пенсию, но в храме он появлялся неизменно и стоял все на том же месте.

«Не иначе, уверовал в Бога!» – решил про него батюшка и даже поздравить его хотел с сем радостным событием.

Но Голубок потупился:

- Я, знаете ли, захожу к вам по при-

«Да! - вздохнул обескураженно настоятель.— Что поделаешь, коли вторая натура!»

ВЛАСТЬ БЕЗ ПОЛА

В самом древнем соборе в городе власти разрешили отслужить Пасхальную Вечерню.

Собор-музей, в гулком его нутре холодно, сыро. За толстыми стенами вовсю бушует весна, а здесь впору в зимнюю одежку упаковываться.

В алтаре священнослужители терпеливо ждут архиерея, разглядывают старинные фрески на стенах.

Вдруг в алтарь бесцеремонно влетает немолодая дама, затянутая в джинсовый костюм с блестящими заклепками, на

>>>>>>>>>>

К 60-ЛЕТИЮ ПОЭТА

Владислав КОКОРИН

А С КАЖДЫМ ДНЕМ В ТОЙ ПЕСНЕ ВЕЩЕЙ...

Вы мне предсказали давно золотую судьбу.

Но так получилось, вы рано ее

предсказали. Успехам моим позавидовать можно едва ли. Успехи мои улетели, как видно, в трубу.

Сижу пред огнем. Залихватски стреляют поленья. Веселые угли большой кочергой шевелю.

Угрюмые мысли не борются более с ленью.

В дому опустением не плачу теперь

B дому опустевшем не плачу теперь, не шумлю.

Приходит иное. С ветрами,

над гулкой округой, Тяжелые птицы летят и летят на жнивье. А утром они загалдят и поднимутся

к югу, Сиротским для нас оставляя лесное жилье.

Летите себе. Дай вам Бог,

окрыленные твари, Не сбиться с пути, что назначен для вас на века.

Я выйду вослед, и в промозглой предутренней хмари, Быть может, в крыло и моя превратится

* * *

рука?

моим.

Бесчинство природы, прекрасно твое проявленье Свистящие ветры грохочут над домом

Играючи гнут осененные снегом деревья. И чудится мне — это мчится Отечества

Над силой бесчинства, по ветру, что стонет и плачет, На русских равнинах вздымая колючую

пыль. О, сила природы, даруй мне судьбу наудачу, Мы славную сложим о жизни и грозную

поминальные дни

В поминальные дни привожу в целлофане рассаду И сажаю цветы. И таскаю от речки песок. Рассыпаю его, и светлеет квадратик

ограды, Веселей с обелиска родимый глядит образок.

Он вбирает в себя золотую небесную силу, Чтобы было теплее живым у холодных

Чтобы было теплее живым у холодных могил, Чтоб родная душа только в день похорон голосила, Но потом от тепла набиралась невидимых

сил. Мы порою приходим сюда и смурны,

и помяты, И родные могилы находим порою

не вдруг. Заплутавши в аллеях, читаем фамилии... даты...

 ${\sf C}$ недоверием смотрим в реестрики чьих-то заслуг.

Но находим родных, и зачем-то опять беспокоим, Все пытаясь решить окаянный какой-то вопрос.

Словно тайна сокрыта под этой могильной плитою, И ушедший от нас эту тайну с собою унес.

В поминальные дни, приближаясь немного к разгадке, Мы на столик железный пшеничное сыплем зерно... Но слеза, что летит вместе с ним на могильную грядку,

Изымает из нас, то что нам осознать не дано.

ТРИ ЗАКЛЯТЬЯ

B. III.

Ты не шляйся один — говорю тебе первый зарок. И тебя не ударят в глухом переулке кастетом. Не поднимут за волосы тяжкую голову к свету, Не ударят вторично, теперь уже точно в висок.

Ты не шляйся один, ибо дума твоя тяжела. Ты друзей пожалеешь, и с ними не будешь делиться.

Ты поведаешь думу случайным и взбалмошным лицам, А они не прощают, пускай и невольного,

Не влюбись без ума — вот второе заклятье мое. Что мне муки твои? Ты оставь при себе свои муки! Потому что не вынесет, даже недолгой, разлуки

Та, что все-таки сможет поверить в безумье твое. А о третьем заклятьи скажу лишь тебе, —

и молчок! Да, я знаю, как только его насекли на скрижалях, Обвалились опоры, что эти скрижали

держали... За любым из осколков — былая твердыня! Да, гремят эти камни по отчей земле

и поныне. Но!.. на каждом начертано кровью: «Контроль и учет!»

TOCT

А. Ц.

Они хотят войны? — Они ее получат. Свидетель Бог, я мирный человек. Но долг и честь и в наш порочный век К достойным вопиют призывно и могуче.

За веком век — злодейская пора. Увы, я не открою здесь секрета. Но каждого из нас, поэта ль, не поэта, Ждет Высший суд у смертного одра.

Что будем мямлить все мы пред Судом? Ведь там не увильнуть, не отовраться. Как ни крутись, придется признаваться, Что жизнь прожил ты форменным скотом.

За долг и честь! Не надо жалких слов. Лишь эти два изречь набраться силы — И не страшна сырая пасть могилы, И ты опять к сражениям готов.

Бегите прочь, мою заслыша речь. Пусть вас объемлет ужас и смятенье. А если нет — то, Божьим провиденьем, Рази, мой стих, рази их — словно меч!

Чтоб не проклясть прошедшие года. Вы просите войны? — Так вот вам мое слово: За долг и честь! К барьеру, господа!

За долг и честь! — Я повторяю снова,

ПОСЛАНИЕ МОСКВИЧАМ

Не будь на то Господня воля, Не отдали б Москвы! М. Ю. Лермонтов

Видать, на то Господня воля, Что взяли нехристи Москву. На рыночном, безбожном поле Пожнут, наивные, тоску.

Я верю: всю не захватили, Им вся Москва не по зубам. Но вас нахрапом притеснили Почти к «отеческим гробам».

Но ты — москвич! Ты — русский! Крепко Держись! И по Москве не плачь. Не все продули на рулетке Хлыщи — «москвачка» и «москвач».

Еще остались, да — остались Под сердцем матушки-Москвы И те, кто за нее сражались, И те, кто будет, то есть — вы.

Держитесь, милые! Хоть криво Косится суеверный тать. Москва стояла третьим Римом, Четвертому — не устоять.

Навеки сказано: «не быти».

Здесь — третий Рим. Иначе — смерть.

Земная не качнется твердь,
Покуда вы в Москве стоите!

Сосед играет на гармони. Играй, соседушка, играй. Пускай очнется и застонет Мой поздний гость и, через край

Горячий чай переливая, Пусть запоет тебе вослед О том, какая вековая У нас печаль. И сотни лет

Над россиянином довлея, С его рожденья до креста, Его души не одолеет И не замкнет его уста.

А с каждым днем в той песне вещей, Несущей горечи печать, Она звучит ясней и резче, И невозможно промолчать.

Закружила метель устюженская. Вроде был я не промах и хват, Но не вынес участия женского И сбежал от него в снегопад.

Ошалевшая сила вселенская Раскачала вокруг дерева. Ах, метель ты, метель устюженская, Да, девчонка, сорвиголова!

Ты откуда, такая красивая? Чаровница, метельная дочь. Совладать ли с твоею мне силою, Пережить ли позорную ночь?

Ты кружила по садику частому, Повторяла движенья пурги. Словно птица в погоду ненастную Все сильнее сжимая круги.

Было жутко от профиля птичьего И от взмахов заснеженных рук. Я не вынес страданья девичьего И шагнул в этот бешеный круг.

Закрутило, забило, завьюжило — Разгулялась стихия окрест! Знать, была ты бесценной жемчужиной Изо всех поднебесных невест.

За тебя мне сражаться, лебедушка, С этой силой уж было невмочь. Но смирилась лихая погодушка, Отдала мне метельную дочь.

Прекрасен белый цвет. Да здравствует

* * *

Вокруг так мило все переменилось: Исчезла грязь, назойливая сырость, И по ночам не так кромешна тьма. Зима. Давно желанная зима.

Ложится снег — неспешен, мягок, чист. Ни ветерка. Душа не шелохнется. И что-то в ней волшебное проснется. И промелькнет волнующая мысль, Что все на свете вечно остается, И на любовь неистощима жизнь.

Итак, это было на вербной неделе, Когда голубой нарождается наст. Любовь повелела, весна ль повелела, Но что-то заставило встретиться нас.

В прозрачном лесу, в этом ивовом царстве, Мы слушали зовы подснежной воды.

Кто мог нам сказать о весеннем коварстве? Кто мог ощутить приближенье беды?

И кто виноват, что искристой капелью Осыпала нас, покачнувшись, сосна? Мы этого сами с тобой захотели. Не говори, что виновна весна.

Не говори, что за долгой разлукой Забудется этот счастливейший бред. А, может быть, он будет памяти мукой, И неизвестно, на сколько там лет.

Бывать не могу на пустынном погосте. Гнетет мою душу неведомый страх, Когда восседают, как званые гости, Угрюмые птицы на черных крестах.

Когда же огромной, роящейся массой Взлетают они, опереньем шурша, И громко кричат,— этот крик их ужасен. Мне кажется, будто бы чья-то душа

Вот так, словно птица, от бренного тела Поднявшись, в холодной кромешной ночи.

То бросится вниз, то взлетит ошалело, То вьется над ним,— и кричит, и кричит...

Я Бога молю, чтобы ты не вернулась. Уносится поезд. В окне мутноватом Я видел, я видел, как ты отвернулась. Я понял, что значил твой взгляд виноватый.

Счастливой дороги. Да сбудется это. Газуй, машинист! На людское участье Я честно солгу, как и в прошлое лето, Что где-то и с кем-то случилось несчастье.

Не знаю... И знать не хочу, не желаю! Что стал я кому-то досадной докукой. Но перстень, твой перстень,

в ладони сжимаю. Он был талисманом — он жжет мою руку!

А поезд несется. Гремит, как корыто! Мелькают узлы, чемоданы и ноги... И в тамбур последний, свистящий,

открытый Я перстень бросаю... Счастливой дороги!

Они щедры на пепелища России мрачные лета. Когда не кровь течет — кровища, И нет на вороге креста...

Нелегка ты, родная стезя, Коли пепел летит на шеломы. Коли кинули грады князья, И холопы оставили домы.

Куликово ли поле в пыли? То ли глазыньки застит от горечи? Коли во поле том полегли Все Добрыни, Ильи и Поповичи.

Коли вновь нам погибель пророча, Черный воздух крылами пластая, Поднимается стая за стаей Воронье по славянские очи.

И все явственней, явственней помнится, Время давнее ближе и ближе. Вот я вижу Мамаеву конницу, И сермяжное воинство вижу.

Мы идем в поредевших рядах, Все теснее смыкаясь плечами, С заклинанием на устах: Нас не высечь кривыми мечами!

Вологодская писательская организация и редакция газеты «ВЛ» сердечно поздравляют Владислава Николаевича Кокорина с юбилейным Днем рождения! Желают своему товарищу доброго здоровья, творческого вдохновения и новых книг!

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД: ПРИШЛА БЕДА?

РИШЛА беда, откуда не ждали. Жили мы, не тужили, вполне довольные русской школой перевода, как вдруг, откуда ни возьмись, Стивен Росс со своей теорией переводческой множественности. И, оказалось, что неправильно жили, десятки лет читая одни и те же отличные переводы: нужно, чтобы переводов было много и все они были с изъяном. Вель перевол, по мнению Росса, - это субъективная интерпретация оригинала переводчиком, и бедному читателю нужно перелопатить кучу текстов, чтобы получить о книге объективное представление. Стивен Росс выступил со своей теорией ещё в 1981 году, но в наши палестины она добралась после развала Советского Союза. Понятно, что теория не сама пришла, её настойчиво внедряют те горе-переводчики, которых при Советской власти и близко к издательствам и журналу «Иностранная литература» не подпускали.

Они очень быстро оценили выгоду этой теории и размахивают ею, как знаменем. «Перевод — это интерпретация»,— слышим мы то от одного, то от другого толма-

ча. Эта теория, придуманная человеком, сути языка не понимающим, хорошая «отмазка» для тех, кто не умеет и не хочет работать с текстом: «Заново «перевёл» давно известный текст? — Так ведь переводов должно быть много: читатель имеет право выбирать. У меня плохой перевод?

 А я так вижу. Это моя личная интерпретация».

Но, позвольте, что такое интерпретация? Интерпретация подразумевает не только

передачу содержания и объяснение текста, но и оценку этого текста интерпретирующим. То есть, кажлый интерпретатор истолковывает художественное произведение по-своему, вносит личностный элемент. Какое отношение имеет данная деятельность к переводу? - А никакого. Когда читатель берет в руки книгу иностранного писателя, он априори уверен, что это книга автора, указанного на обложке, это его мысли, его чувства. Именно этого автора, а не его переводчика. И если у переводчика есть своё мнение по поводу переводимого текста, то он должен засунуть его... в самый дальний ящик письменного стола.

Ещё Гоголь говорил, что переводчик должен быть, как стекло, такое прозрачное, что его не видно. Сторонники теории Росса тут же начинают кричать, что это невозможно, что личность переводчика не спрячешь, но вековой опыт русской классической школы перевода не оставляет камня на камне от подобных теорий. Если переводчик чувствует и думает, как автор, если «настроен с ним на одну волну», если он переводит «по любви», как говорил Маршак, то перевод без потерь и искажений очень даже возможен. Прекрасно сказал об этом Леонид Мартынов в стихотворении «Поэты»:

«Когда
Того или иного
Поэта я перевожу —
У них нередко, слово в слово,
Свои я мысли нахожу.
Вот этот
Лет на десять позже
Все то же написал, что я,
Хотя и внешне не похожи,
И жизнь у каждого своя!
А этот раньше лет на двести
Мои речения изрёк,
Как будто бы писали вместе —
Один висел над нами рок...»

К сожалению, в последнее время переводчик часто работает не для того, чтобы открыть людям любимого автора, чтобы и другие могли наслаждаться дорогим ему произведением, а чтобы себя показать и банально «срубить капусту». Первый звоночек прозвенел ещё в перестройку: в 1989 году в новом переводе вышли «Три товарища» Ремарка. В чём принципиальная новизна перевода — так и осталось загадкой, от старого он отличался тем, что кое-какие слова были заменены на синонимы или переставлены местами в предложении.

И с тех пор «понеслось»: чуть ли не все покупаемые книги были «перепереведены», иногда не по одному разу. Все эти новые переводы в лучшем случае

являются перепевами предыдущих, в худшем – издевательством над оригиналом и читателями. Сорок лет русскоязычные читатели знакомились с «Джейн Эйр» по переводу Станевич и искренне полюбили героиню Шарлотты Бронте. В 2002 году кому-то пришло в голову, что перевод «не полный», не хватает там, якобы, цитат из Библии, и книга вышла в новом переволе И. Гуровой. В своё время я изучала «Джейн Эйр» в институте на аналитическом чтении. Кто знает, тому не надо объяснять: целый семестр мы разбирали бедную «Джейн» со всех точек зрения. И со всей ответственностью скажу: перевол Станевич верен. Верен в том смысле. как понимал переводческую верность Белинский: когда сохраняется не буква, а дух произведения. Джейн Эйр из перевода была точно такой, как в оригинале - страстной, искренней, несгибаемой. Новый перевод ничего не смог добавить к характеру героини, зато его язык весьма затруднил понимание этого характера.

Ещё больше досталось другой англичанке, Джейн Остин. Самый популярный её роман «Гордость и предубеждение»

намерится сбросить сие последнее бремя тайны, оправдаться сможет только абсолютным взаимопониманьем меж теми, о ком идёт речь».

«И такие ламентации раздавались в Лонгборне беспрестанно. Элизабет старалась ими развлекаться, но всякое удовольствие тонуло в стыде».

«Однако г-н Беннет природой не расположен был искать облегченья разочарованиям, виною коим его собственное неблагоразумье, в утехах, что столь нередко примиряют горемык с их глупостью либо пороком».

«Легко поверить, что, сколь бы мало новизны ни добавлялось страхам, на-деждам и догадкам относительно сего любопытного предмета посредством то и дело возобновляемых дискуссий, никому не под силу оказалось подолгу удерживаться от возобновленья оных в протяженьи всего

«Сие наисуровейшая диатриба, кою я только от тебя слышала».

«...мне мнится, что пообок вашей лужайки имеется симпатичный боскет».

«Если благодарность и уважение — достойные основы для привязанности, перемена чувств Элизабет не помстится невеГ-н Вебер так прямо и заявил в интервью «Книжному обозрению»:

«Винни-Пух», которого читали мы с вами, он, мягко говоря, кастрирован и переработан... Когда я узнал, что произошло с оригинальным текстом «Винни-Пуха» при переводе, стало обидно — как же так, хороший автор, а мы на самом деле его не знаем».

Во вступительном слове к переводу Максимишина также говорится: «Мы старались максимально следовать английскому тексту и подтексту, сглаживая лишь в отдельных случаях его звучание».

А Вадим Руднев вообще заявляет, что, «листая заходеровского «Пуха», он вдруг обнаружил, что «Винни Пух», как ни странно,— именно об этом: о возможных мирах и иллокутивных актах, жестких десигнаторах и индивидных контекстах, о пропозициональных установках и референтно-непрозрачных модальностях».

Похвально, конечно, что Вадим Руднев освоил программу аспирантуры по лингвистической специальности, но при чём здесь Винни-Пух? Почему медвежонок должен страдать от образованности комментатора, как называет себя г-н Руднев?

Заявляю со всей ответственностью: никакого полтекста в «Винни-Пухе» нет, это вам не «Алиса в стране чудес». Можно догадаться, откуда пошли разговоры о подтексте в «Винни-Пухе»: в 1963 году британский литературовед Фредерик Крюс написал книгу «The Pooh Perplex» (по-русски что-то вроде «Путаница с Пухом»), где анализирует «Винни-Пуха» с точки зрения фрейдизма, формализма, вульгарной социологии и т. п. Суть в

том, что эта книга — пародия, в ней автор высмеивает исследователей, которые ищут подтекст везде, даже там, где его нет. У нас же многие восприняли книгу серьезно, чему виной то ли проблемы с английским, то ли с чувством юмора.

Давайте посмотрим, как на практике осуществляется «максимальное следование тексту и подтексту». Вот как пишет Максимишин в начале книги:

«Это теперь медвежонок живёт в собственном домике посреди Леса. А давнымдавно, когда Кристофер Робин был ещё маленьким, он каждый вечер укладывал мишку спать в большую картонную коробку, на которой было написано:

Медвежонок.

В.И.Н.Н. и ПУх

Вы, конечно же, догадались, что означает эта надпись? Да, всё правильно: «Медвежонок. Высококачественное изделие. Необходим неослабленный и постоянный уход». Кристофер Робин был ещё маленьким и думал, что В.И.Н.Н. и ПУх — это имя, а когда догадался, как вы, то уже привык».

Что это за бред? Кто смог бы расшифровать эту аббревиатуру, если бы действительно кому-то пришло в голову размещать шифровку на упаковке детской игрушки? Тем более что всё это — выдумки переводчика, в оригинале нет ничего подобного. К счастью, Борис Заходер рассказал, как всё было на самом деле:

«Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого он звал Пухом. Для лебедя это было очень подходящее имя, потому что если ты зовешь лебедя громко: «Пу-ух! Пу-ух!» — а он не откликается, то ты всегда можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все подумают, что ты просто подул себе на нос. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин решил отдать его своему медвежонку, чтобы оно не пропало зря.

А Винни — так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин. А она очень-очень любила его. Ее ли назвали Винни в честь Пуха, или Пуха назвали в ее честь — теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, теперь мишку зовут Винни-Пух, и вы знаете почему».

В целом, все три новых перевода с завидной последовательностью доказывают, что всё лучшее в них взято из перевода Заходера, а всё оригинальное — отвратительно. Взять хотя бы имена героев. Если

• Окончание на 10-й стр.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ, или «ПРОСТИДУРА» ВИННИ ПУХА

известен у нас с 1967 года в переводе И. Маршака. В 1999 году его зачем-то заново перевела всё та же И. Гурова, а в 2008 — Анастасия Грызунова. Каково качество этих переводов, понятно с первых же строк.

Маршак: «Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену. Как бы мало ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, эта истина настолько прочно овладевает умами неподалеку живущих семейств, что на него тут же начинают смотреть как на законную добычу той или другой соседской дочки».

Гурова: «Холостяк, если он обладает солидным состоянием, должен настоятельно нуждаться в жене, такова общепризнанняя истина. И сколь ни мало известно о чувствах и намерениях подобного человека, когда он меняет местожительство, вышеупомянутая истина так прочно гнездится в умах его новых соседей, что с первой жеминуты они смотрят на него как на законную собственность той или иной из их дочерей».

Грызунова: «Холостяку, располагающему приличным состояньем, надлежит питать склонность к обзаведенью женой — все на свете признают сие за истину. Сколь бы мало ни были известны чувства или же сужденья подобного холостяка при первом его появленыи в окрестностях, истина сия столь прочно пускает корни в умах соседствующих семейств, что семейства оные чают помянутого холостяка законною собственностью своих дочерей».

Не нужно быть специалистом, чтобы понять, что качество перевода находится в прямой зависимости от времени его создания: чем новее перевод, тем он хуже. Читатель наслаждается прекрасным русским языком Маршака. Сквозь перевод Гуровой приходится продираться, чтобы вычленить какую-то мысль. В тексте Грызуновой можно потеряться, как в лесу, читатель вообще забывает о смысле, ежесекундно натыкаясь на «сии» да «оные».

Дорогие читатели! Если вы открыли в магазине переводную книгу и видите там «сие», «оный», «чаять», не берите её, это выброшенные на ветер деньги. В том случае, конечно, если вы не преподаёте теорию перевода, и покупаете книгу для удовольствия, а не в качестве наглядного пособия для студентов «как не надо писать». Для того, чтобы осилить перевод Анастасии Грызуновой нужна не только профессиональная подготовка, но и исключительная выдержка. Не многие дочитают книгу до конца, постоянно спотыкаясь о такие вот перлы:

«Сие знанье некому было с Элизабет разделить, и она понимала, что, если воз-

роятной или же безосновательной. Но если нет, если расположенье, кое порождаемо сими источниками, неразумно и неестественно в сравненьи с тем, о чём столь часто утверждают, будто оно проявляется при первой беседе с предметом чувства и даже прежде, нежели сказана пара слов — тогда оправдать Элизабет нечем: вот разве что она уже несколько вкусила последней методы в неравнодушьи своём к Уикэму, и неудача, вероятно, принудила её алкать другой, менее занимательной формы привязанности?»

Интересно, осилил ли кто-нибудь «сие» с первого раза? Здесь речь не идёт о стилистических огрехах, всё это мелочи. Из этого текста невозможно вычленить информацию, уловить смысл. Спрашивается, для чего делаются такие переводы? - Во всяком случае, не для того, чтобы, чтобы люди, языком оригинала не владеющие, полюбили автора «всей душой», как говорил Чуковский. Ладно. допустим, взрослый человек сумеет разобраться в этом переводческом «изобилии» и в следующий раз обратит внимание на фамилию переводчика, но что делать с детской литературой? Кто защитит юных читателей от подобных переводческих творений? Ведь эти горе-переводчики поднимают руку на самое святое: на «Винни-Пуха», например. Эта книга в переводе Бориса Заходера

сразу полюбилась и маленьким, и взрослым читателям, она стала частью нашей культуры, с её помощью уже несколько поколений наших граждан вошли в волшебный мир литературы. Перевод Бориса Заходера – совершенство. Он написан прекрасным русским языком, передаёт образы героев, настроение, атмосферу книги без малейшего изъяна. Он настолько хорош, что едва ли не лучше оригинала. Но, тем не менее, нашлись люди, не постеснявшиеся предложить юной аудитории собственные творения. Такими «смельчаками» оказались С. Максимишин (нигле не смогла найти имя переводчика), Вадим Руднев и Виктор Вебер. Все эти переводы были изданы в 90-е годы в издательствах «Аста-Пресс», «Гнозис» и «ЭКСМО-Пресс» соответственно. Конечно, и переводчики, и издатели прекрасно понимали, что сразу возникнет тот же вопрос, что и у тётушки Ивана Васильевича в «Театральном романе»: зачем же было тревожиться сочинять? И вот тут в качестве главного аргумента выдвигается тезис, что Заходер что-то там исказил или пропустил, и, самое главное, не понял глубину «Винни-Пуха» и превратил философское произведение с многоярусным подтекстом в детскую сказку. Разговоры о подтексте «Винни-Пуха» теперь так же модны, как и новые переводы.

• Окончание. Начало на 9-й стр

бы «новые» переводчики точно следовали оригинальному тексту, а не заходеровскому переводу, то они назвали бы мишку Уинни-те-Пу. Вот только найдётся ли какой-нибудь сумасшедший, который выложит из своего кармана деньги за какого-то сомнительного Уинни-те-Пу? А вот Винни-Пуха купит каждый. И наши толмачи прекрасно это понимают. Вадим Руднев с какой-то патологической наивностью признаётся в плагиате: «Имя Winnie-the-Pooh по-русски должно звучать приблизительно как Уинни-де-Пу. Конечно, так Винни Пуха никто не узнает».

С именами других героев дела обстоят по-разному: какие-то остались, как у Заходера, другие — поменялись. Так, у Максимишина Слонопотам стал Гиппопотопом, а Крошка Ру — Рушечкой (невольно напрашивается рифма Рушечка-хрюшечка, но поросёнка там по-прежнему зовут Пятачком). У Вебера Кенга и Ру остались без изменений, зато Пятачок превратился в Хрюку (это крошечное боязливое существо — Хрюка?! Ещё бы назвал его Хрюн Моржов); Слонопотам — в Хоботуна, а Бука и Бяка — в Вузлу и Визли. Ну, очень информативно!

В переводе Руднева Кристофер Робин и Винни-Пух говорят, как люберецкие братки, а Пятачок (Поросёнок) — как кисейная барышня. И то, что у Заходера звучит легко, естественно и очень смешно, у Руднева получается, надуманным, тяжеловесным и неудобочитаемым. Сравните крошечный диалог Кристофера Робина и Винни-Пуха у этих переводчиков.

Заходер: «— Мишка! — сказал Кристофер Робин.— Я тебя ужасно люблю! — А я-то! — сказал Винни-Пух.»

Руднев: «"О, Медведь", сказал Кристофер Робин, "как я люблю тебя!"

"Так же, как и я тебя", говорит Пух». Читатель физически ощущает любовь, переполняющую заходеровских героев, у Руднева же их речь вообще лишена образности и напоминает закадровый перевод голливудского ширпотреба.

А во что Руднев превратил чудесную Пухову пыхтелку?! —

ЗАЧЕМ НУЖНЫ НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ, или «ПРОСТИДУРА» ВИННИ ПУХА

Мишка очень любит мед! Почему? Кто поймет? В самом деле, почему Мед так нравится ему? —

У него она по непонятной причине превратилась в хокку:

Не забавно ли? Медведю подавай мед. Зачем он ему!

Все помнят, как Иа-Иа потерял хвост, и как Пух обсуждает это печальное событие с Совой? Вот как написал об этом Борис Захолер:

 Ну,— сказала Сова,— обычная процедура в таких случаях нижеследующая...
 Что значит Бычья Цедура? Ты не забывай, что у меня в голове опилки и длинные слова меня только огорчают.

Заходер вслед за автором несколькими предложениями рисует два характера. Вроде бы смеяться надо над Пухом, ведь это он не понял «умные» слова Совы, но смех вызывает именно она, потому что пыжится, хочет казаться умнее, чем она есть. А наивному Пуху это даже в голову не приходит, и симпатии читателей явно на его стороне.

Как мы уже знаем, Виктору Веберу заходеровский перевод кажется «кастрированным». Вероятно, в своём он хочет «пришить» недостающее. Получился шедевр, который буквально просился в заголовок статьи:

— Что ж,— глубокомысленно начала Сова,— в таких случаях используется следующая процедура.

— А что такое «сведущая простидура»? — переспросил Винни-Пух.— Учтите, пожалуйста, что я — мишка со слабеньким умишком и такие длинные слова у меня в голове просто не помещаются.

Господин переводчик понял, **что** написал?! Это ж всё-таки детская книжка! Даже В. Рудневу не удалось этот перл

переплюнуть, хотя он старался: «Хорошо», говорит Сыч. «С Юридической точки зрения Процедурный вопрос должен быть освещен следующим образом».

«Чего-чего?», говорит Пух. «Ты, Сыч, пойми, перед тобой Медведь с Низким Интеллектуальным Коэффициентом, так что эти длинные слова меня сбивают».

И у кого, спрашивается, слабенький умишко вкупе с низким интеллектуальным коэффициентом? – Уж явно не у Винни-Пуха.

Для чего же делаются такие переводы? Какая там любовь к произведению или автору! Такое впечатление, что горе-переводчики мстят автору за свою несостоятельность и отсутствие таланта.

На переводчике лежит двойная ответственность: и перед автором, и перед читателем — ведь по переводу судит читатель об иноязычном авторе. А перечисленные переводы буквально уничтожают авторов, выставляя их косноязычными идиотами. И если бы не было переводов Б. Заходера, И. Маршака, мы бы этой клевете поверили!

Что же делать? Как защитить автора и читателя от шустрых деятелей? — Вопрос риторический. Нельзя человеку запретить переводить какую-то книгу на том основании, что переводы этой книги уже существуют. Переводчик может делать какие-угодно переводы для собственного удовольствия. Но плохие перево-

ды не должны попадать в печать, и это задача редактора. Увы, в современных издательствах редактор либо отсутствует совсем, либо между ним и переводчиком отношения, как у кукушки с петухом из известной басни.

Огромную роль в выборе перевода читателем могла бы сыграть критика, но и критика перевода у нас практически отсутствует. Кажется, современные переводчики и не подозревают о её существовании, обижаются, как дети малые, и жалуются френдам в своих ЖЖ на злобных критиков, якобы страдающих конфабуляциями.

И тут на ум приходит опыт прошлого: в 1920 году в Советской России был принят закон «Об ответственности издательств и переводчиков за плохой перевод», предусматривавший наказание вплоть до лишения свободы. Правда, этот закон никогда не применялся, поскольку не представлялось возможным доказать злой умысел переводчика. Но ведь во всех приведённых выше примерах и переводчикам, и издателям известно о существовании хороших переводов. Они ухудшают текст намеренно! А плохой перевод, как говорил С. Я. Маршак, — клевета на автора. Почему клевета остаётся безнаказанной?!

За преступление надо отвечать!

Елена БЕЛЯКОВА, член Союза писателей России

СОВРЕМЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. ХХІ ВЕК

•••• И ЗДАВНА было известно, что всё мировое пространство связывается единым законом — законом гармонии целого. Наши предки поклонялись закону мировой гармонии, как сущности мироздания,— единству всего видимого и невидимого, нашего мира и потустороннего. История человечества также подчиняется законам гармонии. Она развивается беспрерывно. Чтобы разрушить гармонию мира, достаточно подвергнуть сомнению единство мироздания и беспрерывность истории.

К сожалению, вольно или невольно, историю России с древнейших времён и до наших дней всегда подавали фрагментарно. Вначале, после принятия христианства, отвергли тысячелетнюю жизнь наших предков-праславян, из которых возрос великий народ русов. В советское время произошло усечение истории уже Царской Империи. После либерального переворота 1993 года перечеркнули историю Красной Империи. Русскому человеку всегда прививали чувство безродности. После каждого исторического излома он как бы начинал жизнь заново, без ощущения тысячелетнего развития своего народа.

В последние десятилетия к теме беспрерывности истории обратилось множество людей. В начале 2015 года об этом заговорил и наш Патриарх Русской Церкви: он указал на неразрывную связь Древней Руси, Византии, Царской Империи, Советской Империи с новыми временами.

Понятие православия, как указывают некоторые литературные источники, появилось задолго до принятия христианства. Ещё Пифагор учил, что нечётные числа (от единицы — начало всего) — есть правый путь, путь духовных изысканий, Божественный путь. Чётные числа (от двоицы — раздвоение) — левый путь, бездуховный, ведущий в подземный мир. С тех давних пор мы приносим на могилы чётное количество цветов, а нечётное — дарим в дни радости и счастья.

Правый, правильный путь выбирали наши предки. По древнему учению Первочеловек составлял единый организм с

Великое Православие

Грани русской истории, версия

космосом, вбирал в себя весь вселенский мир. И люди поклонялись закону Прави, который гласил о единстве Бога, Космоса, Природы и Человека.

...После Первочеловека (его падения) на земле появились титаны, о которых по легенде говорилось следующее: созерцали титаны мир и видели всё от верха до низа — свод небес и внутренность земли. Велика была мудрость их. И были они неподвижны в своём изумлении. И слушали музыку сфер, исторгнутую семью планетами, каждая подарившая миру своё звучание. И всё двигалось в такт этой музыке. И всё имело имя.

И началось житиё по имени, и каждая вещь имела имя, содержащее энергию духа вещей. Инобытийное нависло над титанами. Но были они ещё близки к первочеловеку, и были там как здесь, а здесь как там. И постигли тайну имени, которое есть тайна им именуемая. Вне тайны оно и безжизненно и не есть имя – лишь звук пустой, воздушное ничто. И это ничто уже зарождалось в мире, ничто, не имеющее Божьего имени. – чтобы отнять тайну и не допустить осмысление мира. Собирались титаны в центре Мироздания – на горе Меру и чистым оком созерцали мир. Сдерживая в себе энергию мира – слово. Потому что знали: произнести слово, значит вызвать мысль и слелать её существующей.

Но уже свет и тьма были разделены в их сознании. И неподвижное протяжение времени стронулось с места. И познание с сущности мира стало перемещаться на его движение. И то, что было единым, стало раздваиваться на физическое и духовное, на материю и дух.

Как вода, которая содержит в себе огонь, испаряется от пламени, так огонь духовный от соприкосновения с конеч-

ным стал меркнуть. И покинула титанов вечность. И вышли титаны из бессмертия.

Так родились атланты. И было их много. И познали они единство Слова и Ума — тайну жизни. Еще не высохло на губах словесное молоко, а они уже мыслью измеряли мир, числом и словом приручали космические силы: покорили гравитацию и расщепили атом, меняли ход времени и прозревали прошлое и будущее. По духу они были близки к титанам, но еще дальше отошли от божественного Первочеловека — вочеловечившегося слова. И пришло время для падшего.

Содрогнулась земля, гребнем вздыбилась, вскипели моря и успокоились. Ничто поднялось из тьмы, пеной выплеснулось и приняло человекоподобие. И не было у него черт непорочности, и породило себе подобных, у которых ни ума, ни силы, лишь жажда власти. Смотрят на атлантов, ласкаются, пытаются выпытать знания. Посылают своих женщин с колдовскою красой, чтобы в жилищах атлантов хаос свить. И пошло у атлантов сверхшатание мысли, не могут отворить двери лица их, проникнуть в их мысли. Стала связь атлантов с космическим миром угасать, ослабел дух. Надоело ждать врагам рода человеческого, когда атланты подгнившими плодами к ногам упадут... И началась великая битва. Лолго бились атланты, но порченое семя изъело дух. Не смогли они противостоять подлости и обману – ушли в недра Гиперборейских гор, унесли универсальные знания с собой. А на священную землю наслали ледяной поток. Заморозили тайны пол вековечным льдом. И сокрылась счастливая обитель света посреди Вечного Океана.

Лишь небольшая часть атлантов не ушла под землю. Дала начало ари-

ям — хранителям высшего пути развития. И оставили им символ Вселенной — крест, где вертикальная линия указывает путь из материальной сферы в духовную...

По легендам, от ариев пошло славянское племя русов. И получили русы в наследство Великий Закон Прави, который понесли праславяне по всей земле.

Поклонялись славяне солнечному Богу Даждьбогу, символом которого был крест. Даждьбога называли триединым, трисолнечным. Обозначали тремя крестами, в центре которых был круг с лучами. Лучи обозначали множество пространств, исходящих во все стороны, для которых не было начала и конца.

О вселенском символе креста знали давно. Наблюдали, как планеты в определенное время выстраивались в форме креста.

И всегда для русов земля была светлая, светло-светлая, светоносная. И имена были подчас солнечным богам: Святослав, Святовит, Светозар, Радосвет, Добросвет, Пересвет... И верили закону Прави, закону гармонии мира. И говорили: «Наша вера правая, православная».

В те времена правили людьми, кроме веры, знания и мудрость. Знаменитая Платоновская Академия собирала ученых и философов со всего света. Многие государства имели огромные библиотеки. Познания людей распространялись о Яви (материальном мире) и Нави (мире тонких материй). Знали о строении атома и движении планет.

За тысячелетия до Р. Х. праславянский мир был единым и неделимым. Жили славянские племена на территории Европы, Азии, северного Китая и северной Африки.

В первом письменном известии о праславянах, дошедшем до нас, повествуется о боге Добрате. Поклонялись наши предки добру, благу, а не богам войны. Через души свои пропускали Божью любовь и были неодиноки в этом мире.

Но не все поклонялись добру. Были народы, ведомые воинственными богами, цель которых — уничтожение. Об одном из таких богов повествуется в Ветхом Завете.

• Окончание на 11-й стр.

• Окончание. Начало на 10-й стр.

Сказал иудейский бог Моисею: «Я буду при устах твоих и буду учить вас, что вам делать». И учил их мести: глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. И обещал, если будут сыны Израилевы выполнять его законы, отдать во владение всю землю. И еще напутствовал беречь друг друга, но не испытывать никакой жалости к другим народам. Позднее в этих местах появится Христос — сын Божий с законами любви и добра для всего человечества.

И говорили наши предки: «Ибо мы происходим от Даждьбога и стали славны, славя богов наших, и никогда не просили и не молили их о благе своём. А какие мы сами — то Сноп знает, так как мы молили, славу вознося, но никогда не просили его, и никогда не требовали с него то, что необходимо нам для жизни».

Одновременно с землепашеством развивалось градостроительство. В истории сохранилось имя Бодрич. Много городов он заложил: Рерик-Рарог (совр. Мекленбург, Германия); рядом с Рериком — Велиград; на левом берегу озера, впадающего в Висмарскую бухту, срубили Зверин (совр. Шверин); Ратибор (совр. Ратцебург); Стариград близ Кильской бухты (совр. Ольденбург)...

Русская сакральная линия никогда не соприкасалась с иудейской линией. Еще Климент Александрийский говорил, что христианское учение имеет два источника — Священное писание и эллинскую философию. На московской Руси бытовало твердое убеждение, что вера христианская была принята не от греков, а от апостола Андрея, приходившего с проповедью на Русь. Это же утверждал и первый русский царь Иван IV Грозный.

С приходом Христа на землю вновь обострилась борьба Света и Тьмы. Под видом насаждения новой веры началось разрушение закона Прави — единства человека, природы, космоса и Бога. По всей земле жглись библиотеки, старинные рукописи, уничтожили Платоновскую Академию, многие философские школы. Убивали людей, занимающихся волхованием, предсказанием. Знание уничтожалось повсеместно. Человека отрывали от природы и космоса. Оставляли голую веру без знаний.

Слому ведической веры в Европе противостояла только Русь.

К началу X века главным врагом Руси стал Хазаро-иудейский каганат. Князь Олег Вещий сумел нанести тяжелейший удар по Хазарии. После его смерти борьбу продолжил князь Игорь. При Игоре по Черному морю плавали только корабли русов.

Последним защитником ведического мира стал сын Игоря и Ольги — Святослав. В 962 году он оттесняет Ольгу от правления и окончательно разбивает Хазарию. Восстанавливает ведическую веру на территории нынешней Болгарии.

Великое Православие

Грани русской истории, версия

В Византии понимают, чем грозит создание на Балканах вновь возрождающейся ведической державы, и все силы бросают против Святослава. Святослав терпит поражение. В 972 году он погибает.

За власть в Киеве начинают бороться его сыновья: Ярополк, Олег, Владимир.

В борьбе с Ярополком погибает Олег. В 980 году погибает Ярополк. К власти приходит Владимир. Но он незаконнорожденный сын и положение его шаткое. И тогда он обращается за помощью к христианским общинам, к Византии.

Принятие христианства Русью было предопределено не только историческим развитием, но и развитием религиозного духа. Приход Христа на землю придал новые силы русскому Православию. Новый Завет не противоречил русскому духу. Мир мог спастись только всеобъединяющей любовью.

Чтобы смягчить сопротивление новой вере, храмы, посвящённые старым богам, разрушались, но не везде. Многие переименовывались. Первые храмовые комплексы состояли из языческих и христианских храмов. Храмы Макоши и Рода стояли вплотную с храмом Девы Марии. При раскопках, уже в наше время, на сохранившихся кирпичах, были обнаружены выбитые имена древних богов: Перуна, Волоса. Многие священные камни перекрещивали, выбивали на них кресты и заносили в храмы. До XVII века (до церковного Никонианского раскола) эти камни находились даже в алтарях христианских храмов. Люди молились на иконы и одновременно поклонялись священным камням. Ведические праздники принимали христианские символы, но во многих местах сохранялись и древние традиции.

На Руси связь человека с природой, как живым организмом, сохранялась многие века. Множество богов, у которых люди просили помощи и защиты, заменялись реальными людьми — святыми, прославленными своими христианскими делами.

Во время слома старой веры и принятия новой, Русь ослабла. Если раньше славянские племена свободно ходили по территории нынешней Европы, то в начале ІІ тысячелетия у нее не было сил противостоять нашествию врагов. В 1043 году в летописи говорится: «Отняли евреи все промыслы христиан и при Святополке (Святополке Окаянном) имели великую свободу и власть, через это многие купцы и ремесленники разорилися». За насажде-

ние чужой веры евреи были изгнаны Владимиром Мономахом из Руси без права возвращения.

Наибольшие победы в XIII веке с католическим Западом одержал Александр Невский. В 1925 году Г. В. Вернадский писал: «Александр Невский, дабы сохранить религиозную свободу, пожертвовал свободой политической, и два подвига Александра Невского — его борьба с Западом и его смирение перед Востоком — имели единственную цель — сбережение православия как источника нравственной и политической силы русского народа».

В XV веке христианское летоисчисление со дня сотворения мира подходило к 7000 лет, и все ждали конца света, готовились к переходу в иной мир. Русь засыпала. Сергей Радонежский встряхнул Русь, призвал строить жизнь духовную не только для загробной жизни, но и мирской. Он благословляет московского князя Дмитрия на бой с иноземным игом. Воины-монахи, которых Сергей Радонежский направил в войско Дмитрия Донского, носили имена Пересвета и Осляби — дохристианские

Во времена Ивана Грозного иудейство на Руси вновь набрало силу. Даже в церквях стала проповедоваться чуждая православию вера. Иван Грозный калёным железом выжег на Руси чужебесие. За что ненавидим до сего времени.

В XVII веке случился церковный раскол. Патриарх Никон обрушился на древние традиции народа. Священные камни выбрасывались из церквей, иконы старого письма рубили и жгли, рушились храмы, имеющие дохристианские символы. Ввел троеперстие. Людей, кто отказывался осенить себя троеперстием, убивали. Заставил переписать церковные книги на новый лад. Ввёл обозначение Иисус Христос Царь Иудейский, до этого было – Иисус Христос Царь Славы. Перенёс названия Святой Палестины на русскую землю, в ожидании второго пришествия Христа (1666 год). Назвал себя живым образом Христа и захотел возвеличить власть церкви над государственной. В результате лишился сана и простым монахом был доставлен в Ферапонтов монастырь.

Раскол привел к полному разрыву древлерусского благочестия с государством.

Но созданная Патриархом Никоном пространственная модель Святой Земли на реке Истре (в Подмосковье, Новый Иерусалим) сейчас, по воле Божьей, питает русский дух, русское православие.

И является одним из священных мест в России.

Раскол прошёл через сердца людей. Человеку окончательно запретили обращаться к Природе и Космосу, как к живым, сакральным организмам. Разрушилась мировая гармония, сделав человека бесприютным, чтобы легче им было управлять. И пошло внутри русского человека шатание, что привело впоследствии к бунту против Царя и Бога.

К XX веку часть еврейского народа, считающая себя обделённой в правах, вместе с либеральной российской интеллигенцией расшатали устои Царской Империи. В феврале 1917 года свершился переворот. Царская империя пала. К осени в стране началась полная анархия. Солдаты покидали фронт и с оружием в руках уезжали в свои деревни. 1917 год в Российской Империи был очередным годом передела земли по едокам.

По всей России горели помещичьи усадьбы. Страной никто не управлял. В октябре власть в свои руки взяли большевики. Земля крестьянам, власть Советам, прекращение войны – всё это витало в воздухе, большевики объявили лишь то, что уже существовало. Большевики сдержали слово: земля была передана народу. Но в голы НЭПа началась скупка земли появившейся кучкой богатеев. В 1929 году государство приняло решение о национализации земли. Объявило её государственной собственностью. В 90-е годы ХХ века произошла денационализация земли и заводов. Всё оказалось в руках той же силы, которая обрушила Царскую империю, а в наше время обрушила Красную

В начале 20-х годов, под руководством Троцких и Бронштейнов-Свердловых, были уничтожены миллионы людей, большинство священнослужителей. В начале 30-х годов к полной власти в стране пришёл Сталин. Ему удалось сломить хребет космополитизму и удержать русскую историю на православном пути.

За беспощадную борьбу с врагами России князь Святослав, Александр Невский, Иван Грозный, Сталин до сих пор вызывают ярость у нынешнего либерального отребья.

Русская Церковь всегда являлась надёжной защитой традиционного Русского мира. Жива Церковь — живо и Государство, живо Государство — жива и Церковь. У нас многотысячелетняя история, которую мы должны знать. Будем помнить, что мы внуки Даждьбога и дети Христа. И стоять нам до смертного часа за свою веру православную, которая полнится

Христовой любовью и удерживает мир от падения во тьму беззакония.

Виктор ПЛОТНИКОВ

уроки русского

Слова лежат в глубинах русских рек...

В НАШЕ время все жалуются на утрату смыслов, на пустоту и никчёмность наших речей. Но эта беда настигла нас не сейчас. Известный русский мыслитель-проповедник и церковный деятель Иоанн Шаховской ещё около пятидесяти лет назад с горечью замечал: «Люди создают вокруг себя пустыню слов и отгораживаются ею друг от друга, уходят друг от друга в эту пустыню».

Беда пустословия ведёт за собой другие беды: с одной стороны, так называемый *«плюрализм»* понимания самых ключевых для жизни слов, а с другой стороны — *тиранию* их толкования.

Распространённое в наше время модное словечко «плюрализм» фактически обозначает такую ситуацию, в которой беснование смыслов не допускает взаимопонимания и согласия в обществе. В связи с этим К. И. Вальков, наш земляк, ныне живущий в Петербурге, пишет: «Знания и способности все парализованы изнурительной, бесплодной взаимной борьбой». Этот автор посвятил разоблачению данной болезни языка книгу «Азбука для самых грамотных» (СПб., 2006). Пожалуй, самыми поражёнными болезнью плюрализма словами являются «СВОБО-ДА» и «ДЕМОКРАТИЯ». Сколько крови пролито из-за них! А внутри – пустота! Инфернальная пустота!

Другая болезнь нашей речи – тирания понятий и слов, их обозначающих. Про-

ше говоря – навешивание словесных ярлыков. В своё время А. А. Блок в статье «Краски и слова» с большой иронией писал: «Критика очень много толкует о "школах" символизма, наклеивает на художника ярлычок: «символист»; критика охаживает художника со всех сторон и обдергивает на нем платье; а иногда она занимается делом совсем уж некультурным, извинимым разве во времена глубокой древности: если платье не лезет на хуложника, она обрубает ему ноги, руки, или — что вовсе неприлично — голову». Особенно вредоносно и болезненно навешивание ярлыков в научной, социальной и политической сферах. Сколько «выдающихся учёных», «заслуженных художников», «вождей народа», «героев» с одной стороны, и *«неудачников»*, *«сумасшедших»*, «врагов народа» и «террористов», с другой, со временем поменялись местами!

Словесная пустота разоблачается перед лицом смерти, а «всё, истинно ценное, значительное и священное, утверждается перед лицом смерти, победоносно выходит из огненного испытания и является в своём истинном сиянии и величии» (И. А. Ильин). Это особенно ярко проявилось в истории христианского мученичества, когда люди не боялись назвать себя последователями Христа даже перед угрозой мучительной смерти.

Иначе относятся к пониманию слова и заключённого в нём знания люди пост-

христианской культуры, проповедующие плюрализм знания и слова. Нишше считал: «Чем больше чувств говорит нам о какой-либо вещи, чем больше глаз, разных глаз мы умеем направить на эту вещь, тем полнее наше "понятие" этой вещи». По мнению философа, такой способностью в полной мере может обладать только сверхчеловек. Близкие мысли высказывает современный его последователь М. Эпштейн: «Не держаться определённого взгляда на вещи - это, пожалуй, и есть подлинное мировоззрение. Видеть – значит менять точку зрения. Один взгляд на вещь – почти что слепота». В конце XX века, в перестройку, многие и многие прыгали с одной точки зрения на другую. Разве нашли они истину в этом прыга-

В христианской традиции существует установка на соборное единство и простому знания и слова, которые основаны на единстве мира в Боге как его Творце. Истинное знание о мире человек получает только по благодати Божией — как откровение. Поэты и писатели это знают. Поверим А. С. Пушкину, который, в отличие от Ницше и Эпштейна, считал: «Гений с одного взгляда познаёт истину». О соборности русского слова, его сокровенной глубине и слитности «с могучим Словом, зиждущим Дела», писал наш молодой белозерский гений Алексей Шадри-

Слова лежат в глубинах русских рек. Они не умерли, они заснули. Их разбудить лишь может человек, И оживет тотчас стозвонный улей.

Певучих, тяжких, как колокола, Как монолиты каменные слитых С могучим Словом, зиждущим Дела... Пусть не молчит полуистлевший свиток, Что молодость у Леты обрела.

...Да, пусть не молчит искреннее русское слово! Но сколько мучений и боли душевной нужно перенести, чтобы отринуть беснование плюрализма и пустоту ярлыков и штампов. Читаем у того же Алексея Шадринова:

Когда в трудах бессмысленных горю, Я, ежечасно исторгая стоны, Себе ли в утешенье говорю: Минует день, печалью населенный!.. Хоть для меня слова мои — не бронь, Пощада их ко мне неудержима, Но боли несмолкающий огонь Горит в моей душе неистребимой.

Людмила ЯЦКЕВИЧ, доктор филологических наук

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Николай ДРУЖИНИНСКИЙ

Николай Васильевич Дружининский (1948-1993) родился в д. Неклюдово Грязовецкого района Вологодской области. После окончания Грязовецкой школы служил матросом на Черноморском флоте, затем окончил юридический институт. Работал учителем в школе, на стройке, был юрисконсультантом на заводе, а также трудился в районных и областных газетах. В 1980 году у поэта вышли сборники стихов: «Вокзальные березы» («Молодая гвардия») и «Пастушьи напевки» (Северо-Западное кн. издательство). В 1989 году увидел свет наиболее полный сборник стихов поэта «Каемка времени» (Северо-Западное кн. издательство, ред. А. А. Цыганов). Н. В. Дружининский — лауреат всесоюзных литературных конкурсов

имени М. Горького и Н. Островского. Стихи Николая Дружининского отличает своеобразная интонация, образность, любовь к русскому слову, фольклорная насыщенность.

Не дрожи над полюшком, пустельга...

вокзальные березы

Опасная резкая дума Вовеки во мне не умрет! Сквозь лаву вокзального шума Плывет незнакомый народ.

Нетрудно с дороги нам сбиться, Презрев постоянство свое. И я, перелетная птица, Второе построю жилье...

Пусть встреча моя запоздала. Мне прежней тебя не вернуть. Уеду, уеду с вокзала — В запретный отчаянный путь!

И стисну я зубы до боли, И, чтобы не выказать слез,— Я старую песню про волю Спою у вокзальных берез.

В кармане затасканный адрес. Кругом незнакомый народ. Опасная резкая радость Вовеки во мне не умрет!

Закатилось солнышко за стога... За леса за синие, а там — тайга. Не дрожи над полюшком, пустельга. Ты, соколик маленький, пустельга!

Не дрожи над полюшком, пустельга. За дождями серыми придут снега. Стынь-волной прокатится по земле пурга. Ты, соколик маленький, пустельга!

Полыхает зарево брошенных рябин. Не любить мне заново тех, кого любил. На ветрах колышется журавлиный клин. И зарос крапивой бабушкин овин...

Над застылым болотом в ту осеннюю Все кричал одичало белогрудый кулик. Умерла моя милая бабушка скоро. Не успела последний доткать половик.

В пожелтевшем углу, помню, тихо лежала, Под большою иконой. В еловом гробу. Что дала она миру? Детей нарожала. Да внучат воспитала, не бранясь

на судьбу.

Что дала она миру? Нелегко мне ответить... Я губами к платку ее молча приник.

Умерла моя бабушка. Нету на свете! ...Не успела последний доткать половик.

ОКНА ДЕТСТВА

Ах, волос темно-русых волокна... Мама встала. Ушла на работу. А седые морозные окна Принимали зари позолоту. Резкий ветер завалины рушил, Налетел на застылые ивы. Я сидел у окошка и слушал, Жутковатые слушал мотивы... Но потом приходила старушка С чугунком. И варила картошку. И шутила: «Ну, Колька-Колюшка, Собирайся! Пойдем по морошку!» Помню лето я, помню морошку. Солнце тускло мерцало над бором. Брал я в руки малютку-гармошку И упрямо играл переборы. Ах, волос темно-русых волокна! Мамы нет. И безмолвна квартира. Спит жена... А морозные окна Светят мне – из далекого мира.

митрошкин стишок

Жил Митрошка-пастушок. Знал всего один стишок. Ветер в поле завывал — И Митрошка запевал:

«Я не мамкин сын, Я не папкин сын. Я на елке — Меня ветер снес... Я упал на пенек — Кудреватый паренек!» Жил Митрошка-пастушок. Знал всего один стишок. Славно пел он — слово к слову ...Парня слушали коровы.

Птиц запоздалых стаю Буду ночами ждать. Как бы мы жили –

не знаю, Трудно предугадать.

Новые к солнцу всходы! Новый под солнцем бой! Не исцелили годы Сердца немую боль. Тянутся гулкие тракты. Живы и правда, и ложь. Милая! Где ты? Как ты, С кем ты сейчас идешь?

Мысли мои качает Ветер залетный — бриз. С песней меня венчает. Часто бросает вниз...

Свидимся ли? Не знаю. Трудно предугадать. Птиц запоздалых стаю Буду ночами ждать.

Больше ничего не повторится... Ты за все, за все меня прости. От несчастий славой не прикрыться! Без любви любовь нельзя найти!

Но тогда зачем дрожат ресницы? Но тогда зачем чего-то ждем? Больше ничего не повторится. ...Мы стоим под проливным дождем.

Хорошо бы нам снова встретиться В том селе. Через много лет. Где Большая — в ночи — Медведица Льет из ковшика белый свет.

Где черемуха манит блузкою Бело-белою у реки. Где по праздникам пляшут «Русскую», Пляшут бабы и мужики...

Есть надежда еще на нежность! Есть надежда на горечь слез! Пусть радости той неизбежность Живет до седых волос!

Исчезают лета и зимы Среди света и среди тьмы. ... Нашей нежностью мы ранимы. Нашей нежностью живы мы.

Неужели мы подчалили к закату? Неужели иссякают наши силы? Неужели мы проехали Россию? Неужели так дороженька поката?

Год от года мы взрослеем, вырастаем, Год от года мы сильней планету любим. Год от года мы рассказываем людям. Как в дорогах поумнели и устали.

Неужели зря растрачиваем силы, Задаем друг другу хитрые вопросы... Неужели мы проехали Россию? Волгу-матушку. Поля. И жгучи росы.

За закатом, у притихшего лесочка, За рекою, где вчера еще косили, Затерялась ослепительная точка Далеко... На самом краешке России!

Город Тотьма. Тополя, угоры Да церквушки крестик вдалеке. Я приеду, может, очень скоро — На «Заре» по Сухоне-реке. Разбредутся тучи на рассвете И растают на исходе дня. Здесь меня по-доброму приветят, Встретят здесь по-доброму меня. Мы уедем с песнями, с баяном К речке Еденьге, на бережок, Где над бором в мареве туманном

Ястреб что-то молча стережёт. Он кружит пообочь, не над нами. Он молчит, он что-то бережёт... И под звуки вальса «Над волнами» Сядем мы в траву, на бережок. И пойдут старинные рассказы Про поездки тотемских купцов. А потом мы все замолкнем разом, Не найдя каких-то верных слов. Может быть, единственного слова, Чтоб душа вдруг вспыхнула – чиста! Тотьма – это молодость Рубцова, Больше чем понятие «места»... Мы опять поднимемся с баяном, Всколыхнём ромашковый лужок. Может, ястреб в мареве туманном Чьё-то счастье молча стережёт?..

КТО-ТО ВСПОМНИТ ПОТОМ...

(Песня)

Я вот завтра проснусь, Шевельнутся деревья... Будет сизый туман Обнимать берега. И со мною проснется, Скрипнет дверью деревня. И покажется мне, Что я прожил века.

Я пойду по траве, След оставив неровный. Будет стадо пастись И гудеть пароход. И в заречном лесу Запах хвои здоровый Будет звать меня вдаль. Где вскипает восход.

Будет ветер шептать Древнерусские были... Опустелый амбар, Серый старенький дом. Ничего мы с тобой, Ничего не забыли! Все, что было у нас,— Кто-то вспомнит потом.

Помню праздник большой: Мать вернулась из города, Из котомки достала Белый в крапинку хлеб. Этот хлеб городской Стоил матери дорого. Я на черном ломте Возмужал и окреп.

Я окреп не затем, Чтоб собой любоваться, Чтобы силу и удаль свою —

напоказ.

Я окреп для людей. Чтобы с ними остаться. Боль и радость делить В свой отмеренный час.

Я тревожно иду, След оставив неровный. И на запад гляжу, И гляжу на восток. Русь — равнина моя! — Запах хвои здоровый... Никогда, никогда Я не стану жесток.

Настоящие люди
Очень часто встречаются.
И всегда предо мной —
Серый старенький дом.
Есть любовь, есть и нежность.
И путь не кончается.
Все, что было у нас,—
Кто-то вспомнит потом.

Адрес газеты: www.literator35.bl.ee

Адрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru

Издание подготовлено к печати при финансовой поддержке депутата ГД РФ В. Е. Позгалева.

Главный редактор А. А. Цыганов. Редакционная коллегия: С. П. Багров, В. Н. Бараков, М. И. Карачев, О. И. Ларионов, Ю. М. Максин, О. А. Фокина.

 О. А. Фокина.
 Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не рецензирует и не возвращает, а также не имеет возможности выплачивать вознаграждение за опубликованные материалы. Тираж издания 500 экз. Цена свободная. Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.

Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, З. Зак. 1461. Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически – 7.09.2015 г. в 12.00. Выход в свет – 8.09.2015 г.